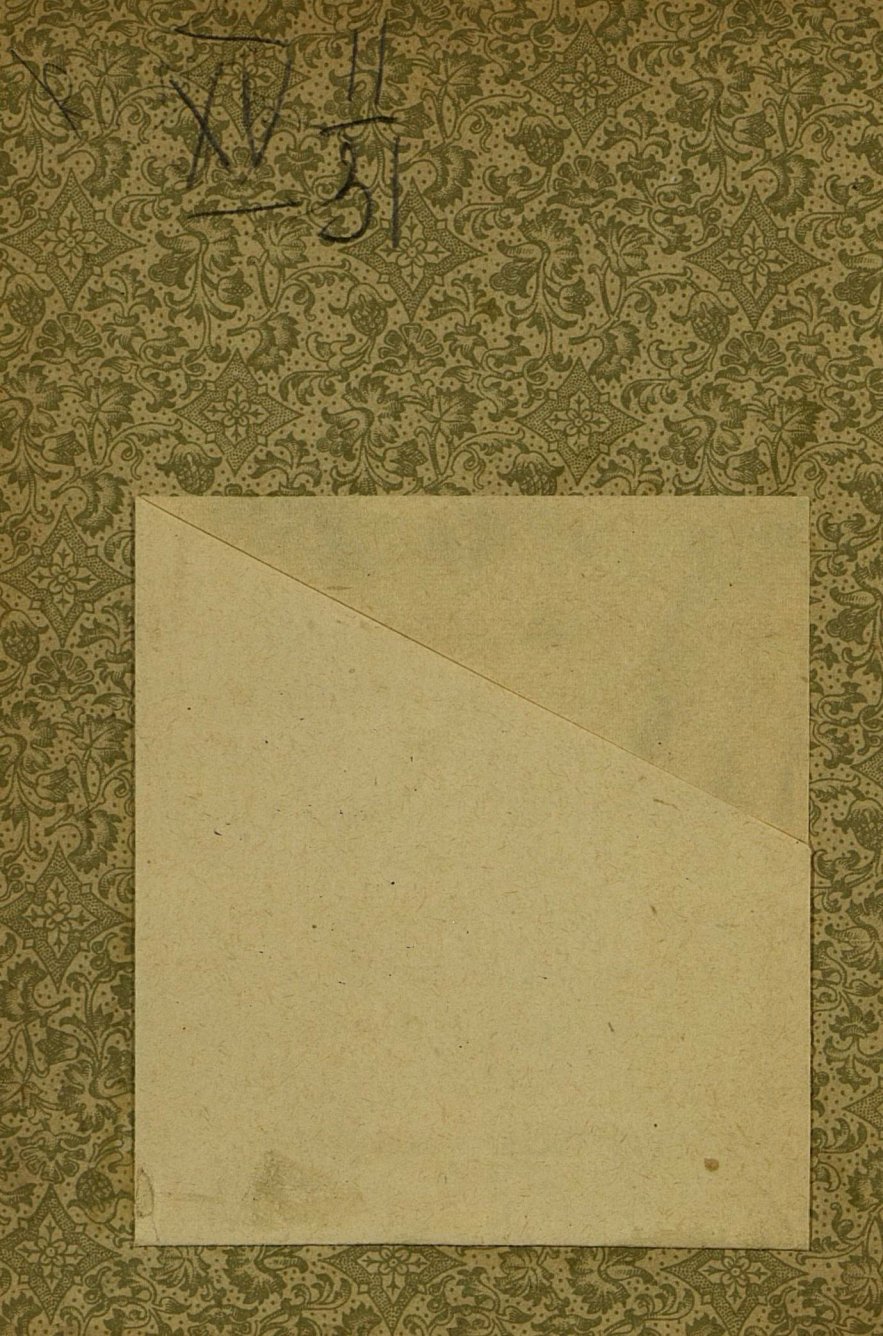

XV/II 1902
3I VII-IX
- w/13-18

1431

13-18

79
1325

Годъ IV.

№ 13

1 Іюля 1902 г.

XV 31

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

По Сѣверу Россіи.

Составилъ Х. Г. Инсаровъ.

СЪ РИСУНКАМИ.

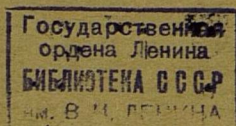

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Спб. акц. общ. „Слово“, М. Итальянская, № 21.

1902.

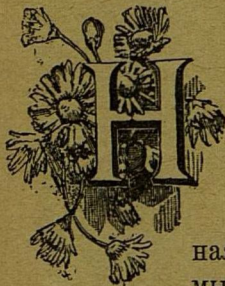
Дозволено цензурою, Спб. 28 іюня 1902 года.

№ - 1690 - 49

I.

Въ дорогѣ.

А крайнемъ сѣверѣ Бѣлаго моря, на берегу глубокой и хорошо защищенной отъ холодныхъ вѣтровъ губы, пріютилась большая деревня Кандалакша, населенная русскими поморами. Это одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ нашего Сѣвера.

Вокругъ деревни съ запада и востока поднимаются громадныя, конусообразныя обрывистыя скалы сѣраго цвѣта въ нѣсколько сотъ сажень вышины, которыя во многихъ мѣстахъ падаютъ отвѣсно и глубоко въ воду. На ихъ вершинахъ, окутанныхъ туманомъ, живутъ черныя орлы-рыболовы, а по склонамъ ютится несмѣтное количество чаекъ и другихъ морскихъ птицъ, которыя спускаются стаями въ воду искать мелкую рыбу. Посреди этихъ скалъ, по глубокому ущелью, протекаетъ извилистая и порожистая рѣка Нива, которая шумно изливается въ Бѣлое море. По обоимъ берегамъ этой рѣки, возлѣ самаго моря, раскинулись каменные и де-

Кандалакша.

(Изъ „Живописной Россіи“.)

ревянные домики кандалакскихъ жителей. Надѣво отъ рѣки, вдоль ея берега, тянется почтовая дорога, ведущая во внутрь Лапландскаго полуострова. Это одна изъ тѣхъ дорогъ, которыя соединяють неудобства съ красотой, которыя утомляютъ путешественника, доставляя ему въ то же самое время не мало наслажденія. Она неровна, узка, изобилуетъ подъемами и спусками, но проходитъ все время среди большихъ скалъ самыхъ разнообразныхъ формъ, которыя часто такъ сближаются своими вершинами, что образуютъ каменные своды. Путешественнику кажется, что онъ идетъ по корридору, высѣченному въ скалѣ самой природой, а когда онъ, выйдя изъ этого подземелья, очутится на какой-нибудь возвышенности, передъ нимъ открывается чудная картина безпорядочно разбросанныхъ гигантскихъ скалъ, среди которыхъ съ шумомъ мчится порожистая рѣка Нива. Такимъ образомъ путешественникъ подходитъ къ верхнему теченію рѣки, которая, протекая здѣсь по болѣе ровному мѣсту, удобна для судоходства. Именно по этой части рѣки, въ концѣ мая 189* г., подымалась вверхъ по теченію маленькая лодка съ тремя путешественниками; одинъ изъ нихъ, расположившійся возлѣ руля, имѣлъ на видъ не больше тридцати пяти лѣтъ. Это былъ Нахимовъ, членъ географическаго общества, посланный съ научной цѣлью на Новую Землю.

Нахимовъ выбралъ самую длинную, но зато и самую живописную дорогу. Сначала онъ хотѣлъ проѣхать весь Лапландскій полуостровъ съ юга на сѣверъ, слѣдуя по дорогѣ, соединяющей Бѣлое море съ Ледовитымъ океаномъ, черезъ озеро Имандра, тундру Печу и по рѣкѣ Туломѣ, знаменитой своими водопадами. Затѣмъ черезъ океанъ добраться до Новой Земли, произвести тамъ

свои научныя изслѣдованія и вернуться черезъ Мезень, Архангельскъ и Онегу въ Петербургъ.

Все путешествіе не должно было продолжаться дольше октября мѣсяца, такъ какъ къ этому времени льдины какъ бы желѣзнымъ кольцомъ сковываютъ Новую Землю, прекращая сношенія между островомъ и материкомъ. Но Нахимовъ забылъ, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что неожиданныя препятствія задержать его на Новой Землѣ всю зиму. Но объ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Нахимовъ только что приступилъ къ исполненію своего плана. Приѣхавъ на парусной шкунѣ изъ Архангельска въ деревню Кандалакша, онъ нанялъ здѣсь оленей съ двумя *опасами* (такъ называются проводники лопари), которые довели его до верхняго теченія рѣки Нивы. Здѣсь, на почтовой станціи, онъ взялъ лодку съ двумя гребцами, тоже лопарями. Хотя эта часть рѣки была судоходна, но и тутъ путешественниковъ встрѣчали препятствія, только другого рода. Плыть приходилось противъ быстрого теченія рѣки, которая, ударяясь о высокіе скалистые берега и пороги, образовала шумные водовороты, еще болѣе затруднявшіе движеніе.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка такъ суживалась, что весла задѣвали за берега. Тогда оба гребца—старикъ Андрей и его молодой сынъ Алеша—выходили на берегъ и тащили лодку бичевой.

Какъ мы замѣтили, былъ уже конецъ мая. Погода въ этотъ первый день ихъ путешествія была очень свѣжа; хотя солнце свѣтило не только днемъ, но и большей частью ночи, лучи его не могли еще согрѣть глубоко промерзшую землю, отъ которой вѣяло холодомъ. И въ то время, когда въ болѣе южныхъ широ-

Морскія птицы надъ трупомъ тюленя.

тахъ природа одѣвалась въ роскошный весенній нарядъ—когда тамъ поля и луга покрывались травой и цвѣтами, здѣсь, на сѣверѣ, ничего не было видно, кромѣ обширныхъ пространствъ, покрытыхъ бѣлымъ мхомъ *ягелемъ*, который издалика легко можно было принять за снѣгъ. Только изрѣдка показывающійся зеленый ивнякъ на вершинѣ утеса или большая сосна, напоминающая своими смытыми водой корнями ножки исполинскаго паука, ползущаго къ рѣкѣ, крики птицъ, плещущаяся на поверхности воды рыба оживляли однообразную картину, показывая, что и въ этой пустынной и холодной странѣ есть жизнь и движеніе.

Лодка подвигалась медленно, гребцы устали въ борьбѣ съ теченіемъ и водоворотами и то и дѣло должны были останавливаться для отдыха. Тогда Нахимовъ вступалъ въ разговоры съ лопарями, которые тоже съ своей стороны съ большимъ любопытствомъ распрашивали, откуда онъ и съ какой цѣлью путешествуетъ. Оба они говорили съ нимъ по-русски съ своеобразнымъ произношеніемъ лопарей, растягивая букву *о*.

Во время одной изъ этихъ остановокъ молодой лопарь Алеша сталъ внимательно вглядываться въ сторону скалы, откуда неся какой-то шумъ и, быстро вскочивъ, побѣжалъ туда, не обращая вниманія на отца, кричавшаго ему вслѣдъ.—Не ходи одинъ!

— Медвѣдь,—сказалъ, возвратившись, Алеша,—я видѣлъ на пескѣ слѣды его лапъ.

— Много ихъ тутъ у васъ?—спросилъ Нахимовъ.

— Много!—отвѣтилъ, перекрестившись, молодой лопарь!—Я самъ недавно видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ переплывалъ рѣку. Онъ не тронулъ меня потому, что я ему поклонился. Если его обидѣть въ водѣ, онъ и на лодку бросится! Ну, а попросить хорошенько, да

сказать ему:—„хозяинъ! старикъ! не трогай меня, я тебѣ оленя подарю“—онъ не тронетъ и пойдетъ себѣ своей дорогой.

— Развѣ медвѣдь понимаетъ человѣческую рѣчь?—спросилъ Нахимовъ.

Въ отвѣтъ на эти слова Алеша удивленно посмотрѣлъ на путешественника, потомъ на отца и, не находя словъ, снялъ свою остроконечную кожаную шапку и началъ рукой вытирать лобъ.

Его выручилъ отецъ. Старикъ лопарь прищурилъ свои маленькіе подслѣповатые глаза и произнесъ:

— А какъ же, господинъ, ваше высокородіе! У медвѣдя десять умовъ мужичьихъ и двѣнадцать силъ человѣчьихъ. — Эти слова были сказаны съ такой увѣренностью и при этомъ старикъ такъ снисходительно улыбался, что Нахимовъ съ трудомъ удержался отъ смѣха. Онъ не хотѣлъ противорѣчить, чтобы не обидѣть своихъ простыхъ и добрыхъ собесѣдниковъ, зная, какъ самолюбивы лопари. Сынъ весь просіялъ, довольный убѣдительною защитой отца. Молодой лопарь былъ некрасивъ, какъ и большинство лопарей, но открытое, прямое выраженіе смягчало его лицо и дѣлало его менѣе безобразнымъ. Онъ обладалъ всѣми отличительными чертами своего племени. Низкорослый, широкоплечій, круглолицый, съ большимъ ртомъ и выдающимися скулами, съ маленькими карими глазами, торчащими, какъ щетина, густыми волосами и рѣдкой бородкой. Нахимова удивляла привычка лопаря прищуривать глаза, какъ мы дѣлаемъ, когда смотримъ на солнце или на какой-нибудь яркій свѣтъ. Очевидно, эта общая лопарямъ и полярнымъ жителямъ привычка щуриться вызвана необходимостью защищать глаза

отъ ослѣпительнаго блеска снѣговъ, покрывающихъ Сѣверъ большую часть года.

Нахимовъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— А что ты сдѣлаешь, если нападетъ медвѣдь на твою лодку?

— Брошусь въ воду и спрячусь за лодку, медвѣдь понюхаетъ, посмотритъ, подумаетъ, что въ лодкѣ никого нѣтъ, и уйдетъ.

— А когда онъ нападетъ на оленей?

— Нѣтъ, медвѣдь рѣдко нападаетъ. Вотъ волкъ, звѣрь поганый, онъ можетъ передавить все стадо; медвѣдь добрый, онъ возьметъ оленя или овцу, съѣстъ сколько ему надо, а остальное зароетъ глубоко въ землю, до другого раза.

Нахимовъ нашель, что молодой лопарь слишкомъ высокаго мнѣнія о благодѣствѣ медвѣдя. Но онъ предоставилъ ему продолжать рассказъ, въ который отъ времени до времени вмѣшивался и старикъ. Съ особеннымъ восторгомъ рассказывалъ Алеша, какъ лопари охотятся на медвѣдей и какими почестями награждаются счастливые охотники. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ его длинный рассказъ объ этой опасной и поэтому рѣдкой охотѣ.

Медвѣдей или стрѣляютъ,—искусство, въ которомъ отличаются лопари, или же ихъ ловятъ въ нарочно приготовленныя ямы, покрытыя хворостомъ. Когда ничего не подозрѣвающій медвѣдь попадаетъ въ эту западню, на него набрасываютъ петлю и убиваютъ. Убитое животное кладется на *корезку* (такъ называются лопарскія сани) и съ большимъ торжествомъ привозится въ селенье. Всѣ лопари—мужчины, женщины и дѣти—выбѣгаютъ изъ своихъ пыртъ и, окружая убитаго звѣря, поютъ пѣсни, въ которыхъ они не только вос-

Охота на медвѣдя.

хваляютъ героевъ, убившихъ звѣря, но и благодарятъ самого медвѣдя за то, что онъ *далъ себя убить*.

Сѣверный олень, на которомъ привозятъ убитаго медвѣдя, освобождается на цѣлый годъ отъ всякихъ тяжелыхъ работъ, а герой, убившій звѣря, прицѣпляетъ на шапку маленькую оловянную фигурку—изображеніе медвѣдя, и разгуливаетъ съ нею по знакомымъ.

Къ разсказамъ сына старикъ прибавилъ легенду объ одномъ силачѣ-лопарѣ, который, встрѣтившись неожиданно съ медвѣдемъ, не будучи вооруженнымъ, засунулъ ему въ пасть свое колѣно и задушилъ его руками.

Нахимовъ положилъ конецъ этимъ разсказамъ о медвѣдяхъ словами:

— Пора ѣхать!

Лодка снова пустилась въ путь. Теперь путешественники вѣхали въ небольшое озеро Поноэ, по спокойной поверхности котораго плыть было гораздо легче. Здѣсь окрестности были оживленнѣе: на востокъ виднѣлись высокія снѣжныя горы, среди же озера, какъ молчаливый неподвижный сторожъ, поднималась большая черная скала, покрытая хвойными деревьями. Когда лопари приблизились къ этой скалѣ, въ ихъ движеніяхъ замѣтно было какое то безпокойство и необыкновенная торопливость. Это было одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ во время бурь не разъ разбивались хрупкіе челноки лопарей, и ихъ суевѣрная фантазія, не умѣющая объяснять явленія естественными причинами, приписывала эти несчастія вліянію злыхъ духовъ. И здѣсь, на этой скалѣ, по словамъ старика Андрея, появлялся одинъ изъ этихъ злыхъ духовъ, именуемый *Сейтой*.

Проѣхавъ озеро, путешественники опять поплыли по рѣкѣ Нивѣ, на берегу которой находилось лопарское селеніе, гдѣ они собирались переночевать.

На берегу показался дымъ, послышался лай собакъ, еще одинъ поворотъ, и лодка очутилась въ небольшой рѣчкѣ, по обоимъ берегамъ которой тянулись пятнадцать или двадцать лопарскихъ хижинъ или *пыртъ*, какъ называются ихъ зимнія жилища.

На лай собакъ уже успѣли собраться на берегу мужчины, женщины и дѣти. Съ любопытствомъ смотрѣли они, какъ гребцы вынимали изъ лодки чемоданъ и ящикъ съ фотографическимъ аппаратомъ путешественника. Потомъ они всѣ начали здороваться съ Нахимовымъ, приглашая его каждый къ себѣ. Онъ зналъ о гостепріимствѣ лопарей, у которыхъ даже есть пословица: „кого Богъ полюбитъ, тому гостя пошлетъ“, и предвидѣлъ эти приглашенія. Поэтому, чтобы не оскорбить ни чье самолюбіе, онъ заранѣе рѣшилъ остановиться у той пырты, которая ближе всего къ рѣчкѣ. Этимъ счастливецемъ оказался лопарь Трифонъ. Къ нему и отправился Нахимовъ, сопровождаемый всей толпой. Дорога была грязная, повсюду были разбросаны рыбы внутренности и чешуя, заражавшія воздухъ. Какой-то странный шумъ, напоминающій удары сотни молотковъ, доносился изъ селенія. Какъ потомъ оказалось, шумъ этотъ производили сѣверные олени, которые особымъ образомъ стучатъ копытами.

Толпа слѣдовала за путешественникомъ до самой пырты. Любезно поздоровавшись съ хозяйкой, какъ это принято у лопарей, Нахимовъ долженъ былъ отвѣчать на сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ вопросы: „Все-ли мирно на землѣ?“ спрашивалъ одинъ. „Какъ здоровье царя и видится-ли онъ съ нимъ часто?“ говорилъ другой. „Изъ какой онъ страны?“ „Не изъ той-ли загорной страны, гдѣ растетъ табакъ?“ Нахимовъ много читалъ о лопаряхъ, но только очутившись среди нихъ, онъ

могъ убѣдиться, съ какимъ чувствомъ собственнаго достоинства обращаются они съ чужестранцемъ. Они говорили съ нимъ безъ стѣсненія и безъ страха, какъ равные съ равнымъ.

Наговорившись обо всемъ, что ихъ интересовало, лопари начали уходить одинъ за другимъ, сердечно прощаясь съ гостемъ рукопожатіемъ.

Таково было первое знакомство нашего путешественника съ лопарями, однимъ изъ 144 племенъ, населяющихъ русскую Имперію.

II.

Въ лопарскомъ селеніи.

Оставшись одинъ съ хозяиномъ и его семействомъ, Нахимовъ могъ, наконецъ, спокойно разглядѣть лопарское жилище и его обитателей.

Пырта Трифона была не больше трехъ сажень длины и около сажени вышины. Построена она была изъ камней и кое-какъ собранныхъ древесныхъ стволовъ и обшита оленьими шкурами снаружи и внутри, для защиты отъ холода. Въ хижинѣ было два отверстія: одно служило дверью, другое — одновременно и окномъ, и трубой. Одна подробность обратила на себя вниманіе Нахимова: дверь была продѣлана въ стѣнѣ, противоположной сѣверному вѣтру. Изъ трубы выходилъ дымъ, кромѣ того во время снѣжныхъ заносовъ, заваливавшихъ дверь, она служила выходомъ обитателямъ хижины. Черезъ нее же падалъ солнечный свѣтъ, который теперь, въ бѣлую майскую ночь, продолжалъ освѣщать избу до поздняго вечера. Обста-

новка внутри пирты соотвѣтствовала ея внѣшнему бѣдному виду. Посрединѣ находился небольшой, сложенный изъ камней, очагъ, на которомъ грѣлся маленький желѣзный котелокъ. Прибавьте къ этому маленький шкафчикъ, скамейку, кое-какъ сдѣланную изъ досокъ, два вколоченные въ стѣну шеста, на которыхъ накинута были шкуры и одежда, и вы будете имѣть представление объ обстановкѣ хижины Трифона.

Его семейство состояло изъ пяти человѣкъ: онъ самъ, его жена, взрослые сынъ и дочь да маленький мальчикъ. Они всѣ были одѣты въ оленьи шкуры. Изъ оленьихъ шкуръ были сдѣланы сарафаны женщинъ, мужскія шубы и шапки съ длинными ушами и высокіе сапоги *яры* съ длинными и острыми носками, которые носятъ всѣ лопари. Единственнымъ щегольствомъ въ ихъ одеждѣ были бусы и пуговицы, украшавшія женскій головной уборъ, и красная шерстяная полоска на шапкѣ мальчика.

Хозяева хижины были худы и имѣли вялый видъ, очевидно, отъ недостатка пищи и отъ постоянного дыма, наполнявшаго все время хижину. Исключеніе составлялъ только толстощекий маленький мальчикъ, который быстро подружился съ гостемъ, послѣ того какъ тотъ показалъ ему свои часы. Сначала мальчикъ испугался тиканья часовъ, но когда отецъ объяснилъ ему, что тамъ внутри спрятанъ маленький олень, который стучитъ копытами, онъ не хотѣлъ ихъ выпустить изъ рукъ. Его скоро одолѣлъ сонъ, и Нахимовъ не замѣтилъ, какъ мальчикъ очутился на посланной возлѣ огня оленьей шкурѣ, съ лицомъ, обращеннымъ къ огню, держа сѣраго кота въ своихъ объятіяхъ. Его коротенькія ручки, его толстое, красное отъ огня лицо, съ неправильными чертами, живо на-

поминали маленькаго раскрашеннаго истукана (божка) краснокожихъ индѣйцевъ.

Пріѣздъ важнаго гостя вызвалъ въ избѣ большое оживленіе. Старшій сынъ Трифона пошелъ съ оленьимъ пузыремъ, замѣняющимъ у лопарей посуду, принести свѣжаго оленьяго молока—лакомство, которое подается только гостямъ; мать и дочь засуетились, чтобы приготовить ужинъ, а самъ Трифонъ тѣмъ временемъ бесѣдовалъ съ Нахимовымъ.

Но разговоръ какъ-то не клеился. Не потому, чтобы Трифонъ относился къ своему гостю съ недо-вѣріемъ, или же чтобы онъ былъ молчаливаго нрава, а просто у него мало было о чемъ говорить. Лопари народъ крайне невѣжественный и ограниченный, о о чемъ свидѣлствуетъ ихъ языкъ. Онъ очень бѣденъ словами, выражающими духовную жизнь человѣка, и, наоборотъ, очень богатъ словами, обозначающими предметы ихъ обиходной жизни. Такъ, напримѣръ, только для обозначенія льда у лопарей есть не менѣе 20 словъ, для выраженія разныхъ степеней холода—12, а для обозначенія снѣга 41 слово. Но кромѣ холода, оленей, медвѣдей и злыхъ духовъ лопарь ничего дру-гого не знаетъ.

Вслѣдствіе такой ограниченности, лопари обыкновенно молчаливы; такимъ оказался и Трифонъ.

Тѣмъ не менѣе еще до ужина Нахимову удалось многое узнать, какъ относительно пути, который ему предстоялъ, такъ и относительно быта самихъ лопарей. Трифонъ рассказалъ, что онъ самъ съ семьей и оленями очень скоро покинутъ селенье и перекоچуютъ на востокъ, къ рѣкѣ Варзугѣ, гдѣ будутъ ловить семгу. Такъ дѣлаютъ всѣ лопари, за исключеніемъ тѣхъ, которые живутъ высоко въ горахъ и занимаются исклю-

Лопари и их жилище.

чительно оленеводствомъ. Остальные же расселяются лѣтомъ по берегамъ Ледовитаго океана или по большимъ внутреннимъ озерамъ для ловли рыбы. Проживши все лѣто въ своихъ лѣтнихъ жилищахъ или *въжахъ*, они возвращаются зимою обратно въ пырты. Другіе лапландцы, которые занимаются еще охотой на выдръ или на птицъ, мѣняють свои жилища даже три и четыре раза въ годъ.

Теперь Нахимовъ могъ объяснить себѣ происхождение слова *лопарь*, которое на языкѣ лапландцевъ означаетъ *странникъ* или *кочевникъ*. Изъ разговора съ Трифономъ онъ узналъ еще, что, при отъѣздѣ изъ вѣжъ, лопари оставляють тамъ свои снасти до слѣдующаго года. Это его поразило.

— Какъ же вы не боитесь, чтобы ихъ не украли?— спросилъ онъ.

— У насъ воровъ нѣтъ,—отвѣтилъ Трифонъ,—кто украдетъ, того Богъ накажетъ: медвѣдь, встрѣтивши, его не помилуетъ, а волки съѣдятъ его оленей.

И, дѣйствительно, въ послѣдствіи Нахимовъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ чрезвычайной честности лопарей. Когда лопарю нужно взять что-нибудь у своего сосѣда въ его отсутствіе, онъ оставляетъ маленькій кусочекъ дерева съ отмѣткой, по которой возвратившійся хозяинъ узнаетъ, кто заходилъ къ нему, и что взялъ у него. Такъ торговали раньше лопари съ русскими купцами. Послѣдніе являлись въ вѣжу въ отсутствіе лопаря и забирали у него олени мѣха, оставляя на ихъ мѣсто рожъ, соль или что-нибудь другое. Но русскіе купцы скоро начали злоупотреблять довѣріемъ лопарей и обворовывать ихъ. Вообще лопари не разъ дѣлались жертвой своей честности. Русскіе хозяева-рыболовы,

зная довѣрчивость лопарей, безъ условія нанимали ихъ, а потомъ отказывались платить.

Во время разговоровъ явились гребцы и сѣли ужинать.

Нахимову стоило большихъ усилій заставить себя ѣсть зажаренныя на раскаленномъ камнѣ лепешки—*рески*, приготовленныя изъ ржаной муки, смѣшанной съ сосновой корой, но безъ соли, которая употребляется только въ самыхъ богатыхъ пыртахъ. Кромѣ того къ ужину принесли еще уху и оленье мясо, но все это подавалось безъ хлѣба. Нахимовъ ѣлъ только для вида, больше же всего наблюдалъ обычаи лопарей. Онъ былъ прежде всего удивленъ тѣмъ, что передъ самымъ ужиномъ хозяйинъ и хозяйка надѣли чистое праздничное платье. Позже онъ увидѣлъ, что съ такой торжественностью приступаютъ къ ѣдѣ и всѣ лопари.

Чтобы показаться любезнымъ, Нахимовъ предложилъ всѣмъ лопарямъ по рюмочкѣ привезенной имъ изъ Петербурга водки, а чтобы держаться лопарскихъ обычаевъ, угостилъ прежде всего хозяйку. Онъ зналъ, что женщина у лопарей въ большомъ почетѣ. Поэтому Нахимовъ старался съ своей стороны соблюдать всѣ приличія на которыя лопарь обращаетъ большое вниманіе.

Во время обѣда Нахимовъ имѣлъ случай убѣдиться, что все, что ему рассказывали про отношенія лопарей къ женщинамъ, совершенная правда. Трифонъ, въ знакъ уваженія къ своей женѣ, называлъ ее *онъ*, давалъ ей самые лакомые куски оленины и хвалился, что, въ продолженіе тридцатилѣтней совмѣстной жизни, онъ не сказалъ ей ни разу браннаго слова, а называлъ ее только „моя птичка“.

Скоро Нахимовъ сдѣлалъ еще одно открытіе.

Спящій у огня маленькій мальчикъ проснулся и мать хотѣла его уложить въ мѣшокъ, куда обыкновенно лопари прячутъ своихъ дѣтей отъ холода. Но маленький Матвѣй началъ плакать, а потомъ, вспомнивъ о пріѣзжемъ гостѣ, захотѣлъ взять съ собою въ мѣшокъ маленькаго, стучащаго копытами оленя, т. е. часы Нахимова. Такъ какъ его желаніе не было исполнено, то онъ продолжалъ кричать и въ слезахъ уснулъ. Тогда Нахимову пришло въ голову спросить: „не бьютъ ли лопари своихъ дѣтей?“ Всѣ они какъ одинъ человѣкъ закачали отрицательно головой, а старикъ-гребецъ, съ краснорѣчіемъ котораго читатель уже познакомился въ первой главѣ, сказалъ, обращаясь къ русскому гостю:

— Кого Богъ назначилъ бить, тому онъ далъ рога— какъ оленю, а человѣкъ ихъ не имѣетъ, значить, его и бить не надо.

Вспомнивъ краснокожихъ индѣйцевъ, которые точно также не бьютъ своихъ дѣтей, Нахимовъ сдѣлалъ заключеніе, что цивилизованные народы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уступаютъ дикарямъ.

Его мнѣніе о добротѣ, а главное, о миролюбіи лопарей еще больше утвердилось, когда, между прочимъ, старикъ Андрей рассказалъ ему о существующемъ у нихъ вѣковомъ обычаѣ *крестованья*. Когда какой-нибудь русскій понравится лопарю, тотъ ему предлагаетъ *покрестоваться*, т. е. обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями. По совершеніи этого обряда лопарь даритъ крестовому брату все, что у него есть лучшаго. И въ примѣръ онъ привелъ случай, когда лопарь, покрестовавшись съ однимъ русскимъ купцомъ, подарилъ ему цѣлаго оленя.

— Какъ только обмѣнялись крестами,—разсказывалъ старикъ,—лопарь громко свистнулъ, и на этотъ свистъ послышался лай собакъ. Тогда лопарь повелъ своего знакомаго на ближайшій холмъ. Только они успѣли на него взобраться, какъ вдругъ, откуда ни возмись, со всѣхъ сторонъ набѣжало на равнину стадо оленей, ловко загоняемыхъ собаками. Тогда лопарь сказалъ своему крестовому брату:

— Вотъ всѣ мои олени, выбирай любого, какого хочешь.

Русскому купцу не вѣрилось. Онъ не рѣшался брать такого богатаго подарка. Подождавъ немного, лопарь самъ сошелъ съ горы, выбралъ самаго лучшаго оленя и подарилъ его своему крестовому брату.

По окончаніи ужина, Трифонъ сказалъ Нахимову, что онъ обѣщалъ своему богатому родственнику Кузьмѣ, который присутствовалъ при встрѣчѣ Нахимова, привести къ нему русскаго гостя. Вставая изъ-за ужина, нашъ путешественникъ чуть не ударился о низкій потолокъ хижины. Хотя онъ былъ средняго роста, но въ сравненіи съ низенькими, похожими на карликовъ лопарями казался необыкновенно высокимъ.

Теперь въ хижинѣ нельзя было ничего различить, до того она была полна дымомъ. Слышно было только мурлыканье, лежавшаго у огня кота, и храпѣнье спящаго въ мѣшкѣ Матвѣя. Онъ навѣрное больше не думалъ о маленькомъ оленѣ, который стучитъ копытами, а можетъ быть ему снилось, что онъ ѣздитъ на немъ.

Выйдя изъ хижины съ осторожностью, которая была необходима при низенькой двери, Нахимовъ осмотрѣлся кругомъ. Посмотрѣвъ на безжизненные голыя скалы, на унылыя равнины, покрытыя мхомъ и снѣгомъ, на бѣдныя низенькія пырты, освѣщенные блѣднымъ позд-

нимъ солнцемъ, онъ почувствовалъ, что въ его душѣ поднимается безконечная тоска по родинѣ, полной жизни.

Однако онъ скоро овладѣлъ собой. Мысль о томъ, какъ много интереснаго ему предстоитъ еще видѣть въ этой своеобразной странѣ, заслонила собою тоску по родинѣ.

Трифонъ хотѣлъ, раньше чѣмъ пойти къ Кузьмѣ, похвастаться русскому гостю своими оленями. У него ихъ было не больше 12—15 головъ, но онъ ихъ хранилъ какъ зеницу ока. Олени давали ему молоко, одежду и мясо, они перевозили его изъ одного мѣста въ другое, сами отыскивая среди тундры дорогу своимъ замѣчательнымъ чутьемъ.

За всѣ тѣ лишенія, которыя составляютъ горькій удѣлъ лапландца, природа наградила его однимъ только богатствомъ—сѣвернымъ оленемъ. Что дѣлалъ бы бѣдный лопарь, если бы не было оленя? Во сколько разъ печальнѣе была бы его жизнь! А между тѣмъ, когда то онъ не зналъ сѣвернаго оленя и его другомъ была собака, а еще раньше онъ не зналъ даже и собаки и тогда его единственнымъ другомъ былъ топоръ, грубо вытесанный изъ камня. Днемъ онъ убивалъ лѣснаго звѣря, или ловилъ рыбу руками, какъ это дѣлаетъ медвѣдь своими лапами, а ночью скрывался въ пещерахъ, вблизи рѣкъ и озеръ.

Въ то время дикіе олени свободно гуляли большими стадами по болотистымъ тундрамъ Лапландіи. Лапландцы охотились на нихъ, но только ради ихъ шкуры и мяса. Приручать дикаго оленя они научились у чуди—племени, исчезнувшего теперь, но населявшего десять столѣтій назадъ нашъ сѣверный край.

Лопари и теперь не пренебрегаютъ охотою на ди-

кихъ оленей. Даже считается, что юноша-лопарь долженъ непремѣнно убить дикаго оленя, иначе за него не пойдетъ ни одна дѣвушка.

Когда лопари хотятъ поймать дикаго оленя живымъ,

Сѣверный олень.

они прибѣгаютъ къ хитрости, пользуясь извѣстной привычкой оленя стремиться противъ вѣтра, съ закинутою назадъ головою. Это время и выбираютъ для охоты; тогда лопари являются съ петлями въ рукахъ и ложатся на тропинкахъ, по которымъ долженъ пройти

олень. Ничего не видящія передъ собою олени бѣгутъ прямо на лопарей и попадаютъ въ ловко закинутыя петли. Схваченный дикій олень укрощается сравнительно легко: его связываютъ и не даютъ ему ѣсть нѣсколько дней, а потомъ пускаютъ въ стадо.

Олени Трифона, за которыми смотрѣлъ его взрослый сынъ Лука, находились недалеко отъ хижины. Еще хозяинъ и его гости не успѣли подойти къ стаду, какъ до нихъ уже донесся храпъ оленей и стукъ ихъ копытъ.

Маленькія лапландскія собаки бросились съ остервенѣніемъ на чужихъ, но хозяинъ ихъ окликнулъ, и онѣ притихли. Когда гости совсѣмъ подошли къ стаду, испуганные олени стали собираться въ кучу, сближая свои головы одна къ другой.

— Вотъ все мое богатство,—сказалъ Трифонъ,—оно меньше богатства лопаря Бархатова, у него 20000 оленей; да мнѣ и не надо столько—я не смогу ихъ сосчитать.

Каждый олень изъ стада Трифона имѣлъ свою кличку. Одинъ назывался красноухій, другой длинноухій, золоторогій, и т. д.

— Ну-ка, Лука, покажи-ка оленя Матвѣя,—обратился хозяинъ къ своему сыну.

Лука съ ловкостью накинулъ петлю на рога одного оленя. Петля попала удачно, но сильное животное, забросивъ голову на спину, бросилось бѣжать, таща за собою Луку. Къ нему подошелъ на помощь сынъ гребца, и обезсиленный олень, наконецъ, сдался.

Трифонъ съ гордостью показывалъ своимъ гостямъ особый знакъ, который былъ прорѣзанъ на лѣвомъ ухѣ оленя и означалъ, что онъ принадлежитъ Матвѣю. Какъ всѣ лапландцы, такъ и Трифонъ, каждому изъ своихъ дѣтей дарилъ при рожденіи по оленю.

Когда Лука подошелъ ближе къ Нахимову, послѣдній замѣтилъ у него въ рукахъ толстую палку, покрытую гвоздями, которая, какъ объяснялъ Трифонъ, служила ему защитой отъ волковъ.

— Волкъ звѣрь лукавый,—началъ Трифонъ.—Если его ударить по головѣ, онъ быстро повернется и покажетъ спину, а если хочешь его ударить по спинѣ, онъ опять увернется и начинаетъ кусать палку, а если на палкѣ гвозди набиты, тутъ ужъ ему и издыхать и не видать ему больше оленьяго мяса.

— Какъ же вы успѣваете догнать волка?—спросилъ Нахимовъ, вспомнивъ, какъ волкъ быстро бѣгаетъ.

— На лыжахъ,—отвѣтилъ Трифонъ.

По дорогѣ къ Кузьмѣ, Нахимовъ спросилъ, чѣмъ питаются олени зимою, когда снѣгъ и ледъ покроетъ весь край.

— Богъ создалъ для насъ оленя, а для оленя создалъ ягель, — отвѣтилъ мудрый старикъ-гребецъ. Въ самую глубокую зиму олень выбиваетъ изъ подъ снѣга ягель и питается имъ. Если ему дать сѣна, онъ его будетъ ѣсть, но больше разбрасываетъ рогами.

Позже Нахимовъ самъ имѣлъ случай наблюдать эту любопытную черту нрава сѣвернаго оленя. Это было на сѣверѣ Лапландіи, возлѣ Колы, гдѣ на защищенныхъ отъ вѣтра склонахъ горы была собрана маленькая скирда сѣна. Проходившее мимо стадо оленей, почуявъ запахъ свѣжаго сѣна, отыскало скирду и олени набросились на нее. Черезъ нѣсколько минутъ отъ скирды ничего не осталось, а олени побѣждали во всѣ стороны, преважно размахивая рогами, на которыхъ висѣли клочки сѣна.

Среди разныхъ разговоровъ Нахимовъ не замѣтилъ, какъ они подошли къ хижинѣ Кузьмы. Самъ хозяинъ,

предупрежденный собачьимъ лаемъ, былъ уже на порогѣ пырты и любезно здоровался съ гостями, начиная съ Нахимова.

Богатый Кузьма былъ одѣтъ такъ же просто, какъ и всѣ остальные лопари. Еще больше удивился Нахимовъ, узнавъ, что даже Бархатовъ, владѣлецъ 20000 оленей, не отличается одеждой отъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Пырта Кузьмы была такая же низенькая и бѣдная, какъ и пырта Трифона. Разница заключалась только въ томъ, что въ ней было продѣлано крошечное оконце, въ которомъ вмѣсто стекла былъ вставленъ маленькій кусочекъ прозрачнаго камня, встрѣчающагося въ Лапландіи, и называемаго слюдой.

Поздоровавшись, сначала съ хозяйкой, а потомъ съ остальными членами семьи, Нахимовъ сѣлъ на маленькій треножникъ у огня. Хозяинъ и гости расположились вокругъ пылающаго костра. Кузьма сразу принялся угощать гостей крѣпкимъ норвежскимъ ромомъ и копченымъ оленьимъ мясомъ, а Нахимовъ, въ отвѣтъ на любезность хозяина, предложилъ ему и другимъ хорошихъ петербургскихъ папирсъ.

Изъ всего семейства Кузьмы вниманіе русскаго поѣздителя привлекъ молодой сынъ хозяина—Тимоеей, съ коротко остриженными волосами. Среди лопарей это было рѣдкостью, что и удивило Нахимова. Его любопытство скоро было удовлетворено. Кузьма, замѣтивъ недоумѣніе русскаго гостя, началъ дѣлать самыя смѣшныя движенія рукою, указывая то на голову Луки, то щелкая себя по головѣ. Все это означало, что Тимоеей умный, а они глупы. Такая вѣра въ способности Тимоеея являлась отъ того, что Тимоеей въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ посѣщалъ школу въ Кандалакшѣ. Тамъ онъ научился стричь свои во-

Загонъ оленей.

(Изъ „Живописной Россіи“.)

лосы, что среди лопарей свидѣтельствовало объ его просвѣщеніи.

Пока отецъ такъ расписывалъ своего сына, Нахимовъ замѣтилъ при свѣтѣ огня, что Тимоѳеи застѣнчиво улыбался, какъ бы стыдясь отцовскихъ похвалъ.

— Какой ты начальникъ, господинъ ваше высоко-родіе?—спросилъ Кузьма.

Этотъ вопросъ смутилъ Нахимова: онъ не зналъ, какъ имъ объяснить, что онъ ученый.

Кузьма, замѣтивъ недоумѣніе русскаго гостя, подумалъ, что тотъ не понялъ его вопроса и повторилъ его.

— Какой ты начальникъ? Ты больше нашего писаря или онъ больше тебя?

На помощь Нахимову пришелъ старикъ гребецъ. Изъ разговоровъ, которые онъ велъ съ Нахимовымъ въ дорогѣ, старикъ заключилъ, что между нимъ и Тимоѳеемъ есть извѣстное сходство, а именно, они оба были въ школѣ.

— Господинъ его высоко-родіе—*большой Тимоѳей*,—сказалъ старикъ и всѣ примирились съ этимъ объясненіемъ. Послѣ этого разговоръ перешелъ на другой предметъ.

— Не слышали ли вы по дорогѣ грома? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы всѣ, и большіе и малые, днемъ и ночью поджидаемъ услышать громъ, чтобы отправиться на рыбную ловлю. Въ этомъ году громъ запоздалъ. Это не къ добру, не правда ли, старикъ?—сказалъ Кузьма, обращаясь къ старику-гребцу.

— Не къ добру,—повторилъ старикъ, вслѣдъ за Кузьмой.—Прошлой осенью на наше селеніе упало съ облаковъ столько мышей, сколько мелкой рыбы въ морѣ, откуда солнце восходитъ. Все поле было усыпано и не оставалось мѣста для пастбища оленей. Я прожилъ

столько лѣтъ, сколько на моей головѣ сѣдыхъ волосъ, а такой бѣды еще не видалъ. Не къ добру, сказывалъ я тогда. Слепни сведутъ съ ума оленей или вся рыба въ рѣкахъ подохнетъ. Сейта превратится въ бушующую рѣку и будетъ опрокидывать лодки вмѣстѣ съ гребцами.

При этомъ разсказѣ Нахимовъ вспомнилъ о суевѣріяхъ лапландцевъ. Онъ зналъ, что лапландцы были обращены въ христіанство еще въ XVI столѣтіи, когда въ Лапландіи проповѣдывалъ св. Трифонъ, но изъ словъ старика Андрея онъ убѣдился, что теперь еще лапландцы полны самыхъ грубыхъ суевѣрій: вѣрятъ, что мыши падаютъ съ облаковъ и что отъ ранняго появленія молніи на небѣ будетъ зависѣть рыбная ловля.

— Кто такой Сейта?—обратился Нахимовъ съ вопросомъ.

— Пусть старикъ разскажетъ, онъ больше всѣхъ насъ знаетъ,—отвѣтилъ Кузьма.

Польщенный такой похвалой старикъ-гребецъ подошелъ ближе къ огню, закурилъ предложенную Нахимовымъ папирску и началъ.

— Кто такой Сейта, мы не знаемъ. Не знали наши дѣды и никто никогда не будетъ знать. Онъ одинъ себя знаетъ, но никому объ этомъ не говорить. Онъ живетъ въ высокомъ ущельи на Выдь-Озерѣ. Когда онъ хочетъ охотиться на рыбу, спускается въ озеро, разбрасываетъ большіе камни и ловитъ ее руками. Я его разъ видѣлъ, онъ отдыхалъ на солнцѣ, лежа на большой скалѣ въ озерѣ. Не попадайся ему тогда на глаза, а то плохо будетъ. Если не подаришь ему табаку, то онъ тебя опрокинетъ вмѣстѣ съ лодкой на дно озера. Однажды у моего сосѣда пропалъ олень; онъ искалъ его повсюду и нашелъ его кости и рога на скалѣ, гдѣ

сидѣль Сейта. По ночамъ слышно, какъ хруститъ снѣгъ подъ его корежкой, запряженной оленями, и какъ вслѣдъ за нимъ поднимается вьюга. Сейта охотится на оленей, а когда хочетъ, самъ можетъ обернуться оленемъ, рыбой, волкомъ, собакой, вороной. Захочетъ забраться въ пырту, превращается въ былинку, соломенку и вмѣстѣ съ вѣтромъ врывается черезъ трубу, подслушивается, о чемъ говорятъ лопари, а когда всѣ засыпаютъ, снимаетъ тихонько оленье пузыри со стѣнъ и выпиваетъ все молоко.

Когда старикъ произнесъ послѣднія слова, вдругъ вспыхнуло большое пламя изъ дымящагося очага и освѣтило краснымъ свѣтомъ сидѣвшихъ вокругъ огня лопарей. Ихъ лица выражали неописанный ужасъ. Жена Кузьмы держалась обѣими руками за шубу своего мужа, а «ученый» Тимошей спряталъ свою голову на груди матери.

У Нахимова промелькнула мысль, что если въ это время олень или собака поцарапаются въ маленькое окошко, то всѣ лопари окаменѣютъ на своихъ мѣстахъ отъ страха. Да, и самому ему стало какъ-то жутко.

Всѣ молчали, очевидно, находясь подъ впечатлѣніемъ разсказа старика о Сейтѣ.

Желая разогнать ихъ страхъ, Нахимовъ началъ разговоръ.

— Слушай, Тимошей, скажи мнѣ, чему ты научился въ школѣ?

Этотъ вопросъ вывелъ изъ оцѣпенѣнія лопарей, одинъ только Тимошей продолжалъ прятать, какъ страусъ, свою голову въ объятія матери.

— Ну Тимошей, слушай, что тебя спрашиваетъ гость,—сказала ему мать, проводя рукой по его коротко остриженнымъ волосамъ.

— Тимоѳей, разскажи гостю сказку о лопарѣ,— прибавилъ отецъ и продолжалъ, обращаясь къ Нахиму.

— Онъ такую сказку вамъ разскажетъ! Но Тимоѳей упорно пряталъ голову, пока старикъ-гребецъ не взялъ съ огня горящую головню и обошелъ съ ней всю хижину, чтобы убѣдить Тимоѳея, что Сейты нѣтъ. Но Тимоѳей потребовалъ еще, чтобы посмотрѣли, все ли молоко въ пузырь, и только когда ему сказали, что пузырь полонъ, онъ поднялъ голову, робко озираясь по сторонамъ.

— Ну Тимоѳей, ну разскажи же сказку.

Не мало былъ удивленъ Нахимовъ, когда Тимоѳей сначала вполголоса, а потомъ громче и громче декламировалъ стихотвореніе Минаева:

Быстро проносится лѣто полярное
И коротка тамъ весна;
Тощая, скудная, неблагодарная
Почва лапландца бѣдна.
Здѣсь монотонно, сурово-бродячая
Тянется жизнь лопаря.
Лѣта онъ ждетъ, наступаетъ горячее
Время, когда, чуть заря
Ловить онъ рыбку, бездомно кочующій
Много обходитъ онъ рѣкъ...
Если же морозъ затрещитъ и съ бушующей
Вьюгой повалится снѣгъ,
Бросивши тягостный трудъ рыболова,
Бьетъ онъ оленя и звѣря лѣсного.

Понимали-ли лопари это стихотвореніе или нѣтъ, Нахимовъ не зналъ, но онъ видѣлъ, какъ слезы бле-

стѣли въ ихъ глазахъ. Они чувствовали, что тамъ говорится объ ихъ тяжелой жизни, что ихъ жалѣютъ, и этого было достаточно, чтобы тронуть ихъ.

Утомившись непривычной обстановкой, Нахимовъ простился съ гостепріимными хозяевами и отправился вмѣстѣ съ гребцомъ и Трифономъ спать.

Было уже больше двѣнадцати часовъ и ночь еще не успѣла спуститься надъ Лапландіей, какъ уже красныя облака на востокѣ, въ которыхъ какъ будто отражалось пламя далекаго гигантскаго костра, зажженнаго въ океанѣ, возвѣщало о наступленіи утра.

III.

О з е р о И м а н д р а.

Мы не будемъ описывать, какъ Нахимовъ провелъ ночь въ хижинѣ Трифона. Да и онъ самъ не любилъ рассказывать объ этомъ, такъ какъ кромѣ грязи и дыма ничего не помнилъ. Зато Нахимовъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ, какъ любезно его провожалъ Трифонъ, какъ онъ обидѣлся и не принялъ денегъ, которыя Нахимовъ предложилъ ему за обѣдъ и ночлегъ. „Путника накормилъ—десять лѣтъ не будетъ голода“—отвѣчалъ онъ на всѣ уговариванія Нахимова.

Въ это время, только что проснувшійся Матвѣй подбѣжалъ къ Нахимову и попросилъ показать ему, какъ стучить маленькій олень копытами. Трифонъ, боясь, чтобы Матвѣй не уронилъ часовъ, сказалъ ему, что маленькій олень вмѣстѣ съ большимъ пошелъ къ озеру пить воду.

Нахимову пришло въ голову снять Трифона вмѣстѣ

съ его семьей, но какъ только онъ поставилъ на ножки свой фотографическій аппаратъ, Матвѣй и его мать такъ испугались, что оба стали ревѣть, точно ихъ собираются рѣзать.—Нѣтъ, эти лопари еще очень дики,—подумалъ Нахимовъ и положилъ обратно въ свой ящикъ аппаратъ.

Гребцы перенесли вещи Нахимова въ лодку, онъ самъ подошелъ къ рѣкѣ и собирался уже садиться, какъ услышалъ чей-то крикъ. Это былъ голосъ Кузьмы, который хотѣлъ проститься съ русскимъ гостемъ.

Нахимовъ поблагодарилъ Кузьму за гостепріимство и пожаловался ему на Трифона, что тотъ не хотѣлъ у него брать денегъ. Трифонъ при этихъ словахъ только замоталъ головой.

— Знаете ли, что думаетъ нашъ народъ,—сказалъ Кузьма:—„страннику далъ,—на промыслѣ десять разъ взялъ“.

— Коли гость въ избѣ, значить Господь тебя не оставитъ, — прибавилъ старикъ-гребецъ и вмѣстѣ съ Нахимовымъ отчалилъ отъ берега.

Теперь ему предстояла самая интересная часть его путешествія по Лапландіи, а именно—посѣтить ея озера и водопады.

Вѣрнѣе сказать, Нахимовъ хотѣлъ посѣтить тѣ озера, которыя встрѣчались на его пути, потому что посѣтить всѣ озера Лапландіи, которыхъ не меньше трехъ тысячъ, не хватило-бы человѣческой жизни.

Читатель, конечно, спроситъ, какъ могло образоваться столько озеръ? Дѣло въ томъ, что нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, вся Лапландія была покрыта ледниками, которые спускались туда съ полярнаго круга. Потомъ ледники начали таять; часть воды отъ растаявшаго льда ушла къ Бѣлому морю и къ Ледовитому

океану, другая часть осталась посреди высокихъ скалъ, въ естественныхъ углубленіяхъ и долинахъ Лапландіи, образовавъ теперешнія рѣки и озера. Большая часть этихъ озеръ очень малы, и поэтому ихъ называли „окош-ками“, но есть и такія, которыя по занимаемому ими пространству, равняются самымъ большимъ озерамъ Европы. Самое замѣчательное изъ нихъ озеро Имандра, къ которому такъ стремился Нахимовъ.

Отъ лапландскаго селенія, гдѣ они переночевали, до Имандры было всего полторы или двѣ версты. Хорошо отдохнувъ, гребцы бодро поднимали тяжелыя весла и лодка быстро скользила по волнамъ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ, по близости отъ своего источника, была менѣе стремительна.

Прошло приблизительно полчаса, и рѣка вдругъ стала вдвое или втрое шире.

— Вотъ и верховье рѣки,—сказалъ старикъ.

— А вотъ и озеро,—прибавилъ Алеша, показывая пальцемъ впередъ.

И дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ ударовъ веслами, Нахимовъ замѣтилъ, какъ лодка вышла изъ русла рѣки и очутилась на широкой, спокойной поверхности озера Имандры.

Онъ смотрѣлъ кругомъ съ напряженнымъ вниманіемъ, желая ознакомиться съ мѣстностью, но довольно обыкновенное на сѣверѣ явленіе мѣшало ему. Сплошной сѣрый туманъ густымъ покрываломъ окутывалъ лодку со всѣхъ сторонъ, и путешественники ничего не могли разглядѣть на разстояніи двухъ шаговъ.

Раздосадованный Нахимовъ почувствовалъ сырость, надѣлъ шубу и началъ курить. Старикъ тоже получилъ папироску и оставилъ одного Алешу управлять лодкой.

— Знаете ли вы, какъ велико озеро?..—спросилъ Нахимовъ.

— Въ длину три дня ѣзды, а въ ширину одинъ день.

По разсчету Нахимова выходило, что озеро Имандра въ длину будетъ 100 верстъ и тридцать—въ ширину.

Къ удовольствію Нахимова, небо начало мало по малу проясняться. Показалось солнце, которое сквозь тонкій слой тумана скорѣе походило на полную луну.

Прошло еще нѣсколько минутъ и туманъ, какъ легкіе клубы дыма, гонимые вѣтромъ, исчезъ по направленію къ океану. Тогда глазамъ Нахимова, съ терпѣніемъ ожидавшаго этой минуты, открылась очаровательная картина. Онъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: „Какъ восхитительно!“

И дѣйствительно, видъ былъ чудный. Впереди тянулась безъ конца гладкая, зеркальная поверхность озера. Съ двухъ сторонъ поднимались залитые солнечнымъ свѣтомъ высокіе скалистые берега. На востокъ, непосредственно за берегомъ, тянулась цѣпь высокихъ горъ, покрытыхъ во многихъ мѣстахъ снѣгами. Это были Хибинскія горы, вершины которыхъ Нахимовъ замѣтилъ еще по дорогѣ изъ Кандалакши.

За западнымъ берегомъ озера показалась синяя полоса, окутанная прозрачной дымкой.

— Это хвойные лѣса,—сказалъ Андрей, замѣтивъ, какъ упорно Нахимовъ смотрѣлъ въ ту сторону.

Нахимовъ почувствовалъ, что стало жарко. Онъ сбросилъ шубу и началъ рыться въ своемъ чемоданѣ, чтобы найти подзорную трубу. Въ это время онъ случайно посмотрѣлъ на озеро, возлѣ самой лодки, и былъ пораженъ необыкновенною прозрачностью воды. Казалось, можно было различить иголку на гранитномъ

днѣ озера, хотя здѣсь оно было глубиной не меньше шестнадцати сажень.

Съ подзорной трубой въ рукѣ Нахимовъ опять началъ разглядывать хвойные лѣса. Затѣмъ онъ повернулся къ восточному скалистому берегу.

Вдругъ у него мелькнула мысль.

— Слушай, старикъ, поднимемся на Хибинскія горы, Алеша останется у лодки, а мы съ тобой пойдемъ пѣшкомъ.

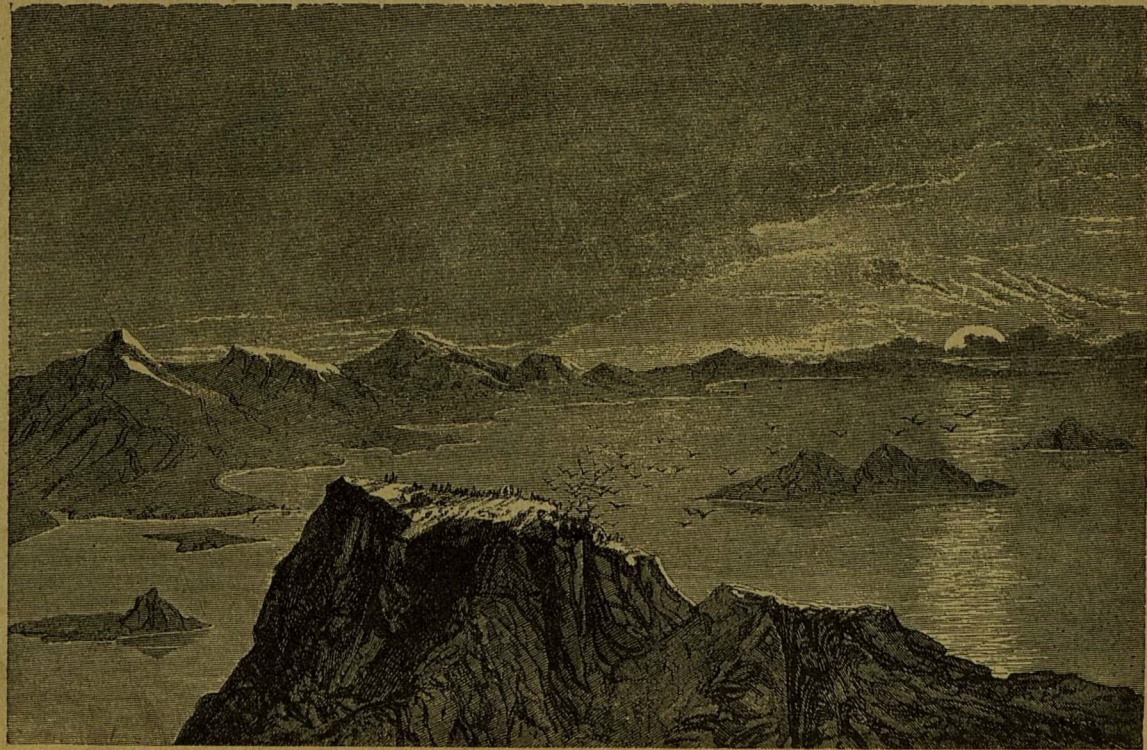
Старикъ объяснилъ Нахимову, что для этого нужно прежде всего доѣхать до ближайшей остановки и пойти по тропинкѣ, по которой олени стада поднимаются на Хибинскія горы искать ягель.

Лодка направилась вдоль праваго берега озера. Чѣмъ ближе путешественники подъѣзжали къ берегу, тѣмъ величественнѣе выступали передъ ними грузныя массы Хибинскихъ горъ.

Хибинскія горы не очень высокія сами по себѣ, поражаютъ путешественника своей крутизной и своими причудливыми вершинами.

Черезъ три часа плаванія лодка была уже у берега, возлѣ почтовой станціи. Здѣсь Нахимовъ очутился передъ настоящей русской избой, сдѣланной изъ сруба, и на него нахлынули воспоминанія о родномъ краѣ. Путешественники закусили, напились чаю и Нахимовъ вмѣстѣ со старикомъ пошли дальше. Онъ взялъ съ собою подзорную трубу, маленькій карманный фотографическій аппаратъ и нарочно сдѣланную, для того чтобы подниматься по крутизнамъ, длинную палку, съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ.

Оба путешественника отправились по маленькой, знакомой Андрею тропинкѣ на Чудскую Смерть, какъ называлась ближайшая горная вершина.

Озеро среди горъ съ Хибинскихъ вершинъ.

(Изъ „Живописной Россіи“).

Быль уже полдень. Солнечные лучи падали отвѣсно и мѣшали путешественникамъ смотрѣть.

Они остановились на минуту передохнуть.

— Жарко стало, Андрей, хорошо, что я оставилъ свое пальто,—замѣтилъ Нахимовъ.

— Это еще ничего, погодите черезъ мѣсяцъ, какъ начнется настоящая жара и появятся комары—тогда только бросайся въ воду.

Старикъ говорилъ правду. Въ Лапландіи наступаетъ такая смертельная жара и комары, прилетающіе съ тундры, такъ больно кусаются, что лопари спасаются отъ нихъ только тѣмъ, что залѣзаютъ въ воду.

Въ концѣ мая, время, которое Нахимовъ выбралъ для своего путешествія по Лапландіи, не бываетъ еще очень жарко. Но тотъ день, когда они поднимались на Чудскую Смерть, составлялъ исключеніе: было душно, какъ передъ грозой. Подъемъ былъ долгій и утомительный; тропинка казалась Нахимову безконечной. Наконецъ Андрей остановился, говоря, что дальше почти невозможно подниматься, такъ какъ здѣсь скалы дѣлались совсѣмъ отвѣсными. Они находились на зеленой, покрытой мхомъ, площадкѣ. Съ сѣверной стороны поднималась высокая обрывистая скала, которая защищала площадку отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Но съ остальныхъ сторонъ она была открыта, и Нахимовъ могъ любоваться величественной картиной. Онъ бросилъ свою длинную палку и прежде всего посмотрѣлъ внизъ на тропинку, по которой они поднимались. Онъ ужаснулся. Всѣ скалы, среди которыхъ они шли, сливались передъ его глазами въ высокую обрывистую стѣну, у подножья которой сверкали прозрачныя воды Имандры. Одинъ неосторожный шагъ, и Нахимовъ полетѣлъ бы съ тропинки прямо въ бездну. Тропинка, по которой они

шли, теперь совсѣмъ не была замѣтна, но зато рѣка Нива выступала во всей своей красотѣ. Съ высоты площадки, на которой находился Нахимовъ, можно было разглядѣть, гдѣ беретъ начало рѣка и какъ она, подобно бѣлой серебристой лентѣ, теряется между скалами. Лѣвѣе отъ рѣки, можетъ быть верстъ пятнадцать или двадцать по прямой линіи отъ площадки, Нахимовъ замѣтилъ два другія озера: одно маленькое, а другое большое. Андрей сказалъ, что это маленькое и большое Видь-озеро. Въ послѣднемъ именно и обитаетъ будто бы Сейта.

Среди всѣхъ этихъ озеръ поднимались безчисленные скалы, беспорядочно разбросанныя и поросшія мхомъ; склоны же ихъ, обращенные къ югу, были покрыты хвойными деревьями.

Одно обстоятельство поразило Нахимова; какъ на Чудской смерти, гдѣ онъ находился, такъ и на другихъ скалахъ виднѣлись борозды, такія правильныя, что можно было подумать, будто онѣ сдѣланы челоувѣческою рукою. Ему не трудно было объяснить себѣ причину этого явленія. Онъ вспомнилъ, что это слѣды ледниковъ, покрывавшихъ когда-то Лапландію. Отдѣлявшіяся отъ нихъ льдины, ударяясь вмѣстѣ съ волнами о скалы, возвышающіяся надъ водой, избороздили ихъ поверхность. Въ его воображеніи живо представилось, какъ тутъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, бились громадныя волны широкаго моря, разливавагося по всему сѣверу Россіи и какъ сюда же подходили исполинскія льдины съ тюленями и бѣлыми медвѣдями.

— Знаешь-ли, Андрей, что это такое?—спросилъ Нахимовъ, показывая на борозды гранитныхъ скалъ, и началъ объяснять ихъ происхожденіе.

Понялъ ли старикъ то, что ему рассказывалъ путе-

шественникъ, или нѣтъ, но онъ, сдѣлавъ глубокомысленный видъ, отвѣтилъ:

— Тысяча лѣтъ—часъ въ дѣлѣ Господа.

— Развѣ ты знаешь псалмы?

— Слышалъ отъ нашего попа.

Нахимовъ, закуривъ папиросу, растянулся на мягкомъ ягелѣ, ковромъ покрывавшемъ площадку. Когда онъ немного отдохнулъ послѣ труднаго подъема, онъ обратилъ вниманіе на гулъ, наполняющій всю окрестность. Шумъ стремительно несущихся водопадовъ, журчащихъ ручейковъ и бурныхъ рѣчекъ, скрытыхъ въ глубокихъ ущельяхъ, сливался въ таинственный гулъ, который плѣнялъ воображеніе Нахимова, мечтательно настроеннаго величественной картиной природы. Здѣсь, въ нѣдрахъ Лапландіи, онъ живо представилъ себѣ, какъ подъ впечатлѣніемъ этихъ таинственныхъ звуковъ у лопарей создались сказанія о говорящихъ камняхъ, о невидимыхъ колоколахъ, на звонъ которыхъ изъ могилъ встаютъ мертвецы молиться Богу.

Неожиданный и рѣзкій шумъ, напоминающій удары крыльевъ вѣтряной мельницы, вывелъ Нахимова изъ міра мечтаній и грезъ. Надъ самой его головой пролеталъ большой черный орелъ; плавно собирая и распуская свои мощныя крылья, онъ спускался къ хрустально-прозрачнымъ водамъ Имандры. Не успѣлъ еще Нахимовъ налюбоваться причудливыми кругами, которые описывалъ въ воздухѣ царь птицъ, какъ Андрей обратилъ его вниманіе въ другую сторону. На этой же скалѣ, гдѣ они сидѣли, только немного выше, цѣлое стадо дикихъ оленей безбоязненно протягивало свои головы надъ самой площадкой. Но свободныя дѣти пустыни, почуявъ близость человѣка, повернули назадъ, и только по шуму падающихъ камней можно было су-

дить, съ какою стремительностью бѣжали они по склонамъ горы.

— Андрей, пора и намъ спуститься,—сказалъ Нахимовъ, посмотрѣвъ на часы.

И дѣйствительно, уже была пора. Съ сѣвера, со стороны океана, быстро надвигалась, гонимая вѣтромъ большая туча, грязно-фіолетоваго цвѣта, пронеслась: надъ скалой, гдѣ находились путешественники и исчезла по направленію къ Бѣлому морю. Они ясно чувствовали, какъ надъ ихъ головами дулъ *сиверка* (сѣверный вѣтеръ), отъ котораго они были защищены скалой.

Нахимовъ надѣялся, что вѣтеръ разгонитъ тучи и дождя не будетъ. Однако, ожиданія его не оправдались; погода быстро мѣнялась къ худшему. За первой тучей надвинулись другая и третья, и надъ всей окрестностью спустилась угрожающая тьма.

Вотъ блеснула молнія,—вслѣдъ за нею раздались оглушительные раскаты грома. Этотъ первый привѣтъ Лапландской весны заставилъ путешественниковъ ускорить шаги, но они не успѣли пройти нѣсколько секундъ, какъ вторая молнія озарила весь небосклонъ. Ударилъ громъ, гулъ котораго вѣтеръ разнесъ по вершинамъ и ущельямъ. Нахимовъ почувствовалъ, какъ мимолетная звуковая волна потрясла гранитные исполины, около которыхъ шла ихъ дорога. Ему казалось, что вотъ-вотъ какая нибудь изъ этихъ слабо держащихся и полныхъ разсѣлинами скалъ обрушится въ озеро, увлекаая его съ собой. Онъ взглянулъ невольно по направленію къ Имандрѣ и вздрогнулъ отъ ужаса. Вмѣсто свѣтло-зеленыхъ зеркальных водъ, прозрачностью которыхъ онъ такъ любовался, онъ видѣлъ теперь необъятную клокочущую водную массу темнаго цвѣта. Волны съ бѣлыми хребтами неистово метались

во всѣ стороны и, набѣгая одна на другую, разбивались объ обрывистые берега въ мелкую водяную пыль.

— Господинъ высокородіе, поближе къ скалѣ,—кричалъ Нахимову шедшій впередъ проводникъ.

Нахимова не нужно было предупреждать: инстинктъ самосохраненія подсказывалъ ему, что надо держаться какъ можно дальше отъ обрыва, который начинался съ правой стороны тропинки. Опираясь одной рукой на свою палку съ желѣзнымъ наконечникомъ, другой онъ держался за скалу.

Они шли такъ около получаса, когда начался дождь, сначала мелкій, а потомъ болѣе и болѣе крупный.

— Намъ нужно переждать гдѣ-нибудь дождь,—замѣтилъ Нахимовъ. Того же мнѣнія былъ и проводникъ. Онъ предложилъ Нахимову остаться, а самъ свернулъ налѣво въ ущелье, чтобы найти какое-нибудь убѣжище.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, которыя подъ проливнымъ дождемъ, въ этой пустынной мѣстности, среди скалъ, показались Нахимову вѣчностью, Андрей вернулся и велѣлъ Нахимову слѣдовать за нимъ. Вскорѣ они очутились подъ скалой въ пещерѣ, войти въ которую можно было только согнувшись. Первый вошелъ Андрей, а за нимъ, не безъ нѣкотораго страха, Нахимовъ. Ему было жутко! Ему чудилось, что изъ глубины пещеры покажется свирѣпый бурый медвѣдь или кровожадный волкъ.

Андрей, замѣтивъ смущеніе на лицѣ своего спутника, улыбнулся и сказалъ:

— Не бойтесь, господинъ высокородіе!—Нахимову стыдно стало за свою трусость и онъ послѣдовалъ за лопаремъ. Снявъ съ себя футляръ съ фотографическимъ аппаратомъ, Нахимовъ присѣлъ на камень, возлѣ

самого входа, вынулъ платокъ и сталъ вытирать мокрое отъ дождя лицо.

— Не садитесь, господинъ высокородіе, — замѣтилъ Андрей, — вы такъ простудитесь. Возьмите мою шубу, я привыкъ къ дождю.

Въ эту же самую минуту, передъ входомъ въ пещеру, промелькнули двѣ фигуры. Нахимовъ поблѣднѣлъ отъ испуга.

Онъ невольно вскочилъ, схватился за палку и посмотрѣлъ на Андрея умоляющимъ взглядомъ. Каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ на лицѣ послѣдняго ту же насмѣшливую улыбку, съ которою тотъ приглашалъ его войти въ пещеру.

— Не пугайтесь, господинъ высокородіе, это наши. Нахимовъ не понялъ смысла этихъ словъ. — Наши! Кто? Медвѣди?

Но напугавшія его фигуры были уже въ пещерѣ и къ величайшему удовольствію Нахимова оказались лопаремъ съ собакой. Вошедшій лопарь нисколько не удивился, увидя людей, поздоровался съ ними и началъ разговаривать. Изъ его словъ Нахимовъ понялъ, что здѣсь его жилище и что онъ самъ принадлежитъ къ племени лопарей, называемому *самы*.

Какъ указываетъ ихъ названіе, *самы* живутъ по одиночкѣ въ пещерахъ возлѣ рѣкъ и озеръ, занимаются ловлей рыбы, которая составляетъ почти ихъ единственную пищу. Хлѣбъ они ѣдятъ рѣдко и то выпеченный изъ муки, смѣшанной съ сосновой корой. По своему внѣшнему виду они ничѣмъ не отличаются отъ другихъ лопарей; тѣ же щетинистые волосы, тѣ же маленькіе каріе подслѣповатые глаза, тотъ же большой ротъ и необыкновенно маленькій ростъ. Только они еще неопрятнѣе настоящихъ лопарей, почти никогда не умываются и не снимаютъ

своей, сдѣланной изъ оленьей шкуры, одежды, пока она не изорвется, ѣдятъ дохлую рыбу изъ той же самой посуды, въ которой кормятъ собакъ.

Дождь все еще не прекращался, поэтому Нахимовъ и Андрей согласились на предложеніе хозяина пещеры остаться, чтобы высушить одежду у огня. Они послѣдовали за нимъ въ глубину пещеры, ступая съ большой осторожностью по покрытой рыхлымъ торфомъ землѣ. Хотя стояла майская ночь, но внутри пещеры было темно, и непривычные глаза Нахимова ничего не могли разглядѣть. Онъ шелъ ощупью и, какъ ему казалось, очень долго. Когда они дошли до того мѣста, гдѣ былъ очагъ, хозяинъ пригласилъ ихъ сѣсть на камни, а самъ занялся разведеніемъ огня. Разрывъ пепелъ, онъ нашелъ въ немъ тлѣющіе угли, положилъ на нихъ вязанку мелкихъ сучьевъ и, ставъ на колѣни, началъ дуть изо всѣхъ силъ. Черезъ нѣсколько минутъ пещера наполнилась дымомъ, и огонь запылалъ. Зеленныя сосновыя вѣтки трещали и свертывались въ пламени и шипя покрывались водяными каплями. При свѣтѣ огня Нахимовъ могъ разглядѣть внутренность пещеры. Сводъ и стѣны ея были покрыты естественными известковыми колоннами, такъ называемыми сталактитами, самыхъ причудливыхъ формъ. Одни изъ нихъ напоминали громадныя сосульки, другіе—стволы деревьевъ, иныя же спускались до самой земли и образовали настоящіе столбы. Отъ стѣнъ вѣяло сыростью и холодомъ. Все хозяйство помѣщалось въ одномъ углу и состояло изъ нѣсколькихъ оленьихъ шкуръ, роговъ и двухъ или трехъ штукъ деревянной посуды.

Съ тѣхъ поръ, какъ путешественники покинули русскую избу на почтовой станціи, на берегу Имандры, прошло больше шести часовъ, и они почувствовали

сильный голодъ. Въ первый разъ за время своего пребывания въ Лапландіи Нахимовъ ѣлъ съ большой охотой. Ему показалась даже вкусной копченая рыба безъ хлѣба и соли, эта единственная пища, которую могъ предложить хозяинъ.

Когда они вышли изъ пещеры, дождь пересталъ, но въ воздухѣ было сыро и холодно.

— Завтра будетъ снѣгъ,—замѣтилъ Андрей.

Это предсказаніе было не особенно пріятно Нахимову, которому предстояло совершить и безъ того тяжелое путешествіе по безлюдной лапландской тундрѣ.

Черезъ два часа спуска, они снова очутились въ русской избѣ, на почтовой станціи, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ Алеша.

IV.

По тундрамъ Лапландіи.

До почтовой станціи Нахимовъ проѣхалъ всего тридцать верстъ по озеру Имандрѣ, такъ что ему оставалось еще семьдесятъ верстъ, чтобы доѣхать до сѣвернаго берега его.

Съ этого мѣста до Колы ведутъ двѣ дороги: одна прямая, по которой слѣдуетъ почта, проходитъ по маленькимъ озерамъ и по рѣкѣ Колѣ, а другая—черезъ тундру Печа и рѣкѣ Туломѣ. Нахимовъ выбралъ вторую, болѣе длинную, но и болѣе интересную дорогу. Однако, раньше чѣмъ говорить о приключеніяхъ, которыми ему пришлось испытать во время пути, скажемъ нѣсколько словъ о Лапландіи вообще и о лапландской тундрѣ въ частности.

Лапландія—одинъ изъ самыхъ большихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ малонаселенныхъ полуострововъ Европы. Это объясняется тѣмъ, что около трехъ пятыхъ всей поверхности Лапландіи] покрыто тундрами и болотами; рѣки и озера занимаютъ больше четверти, а остальное пространство покрыто дремучими хвойными лѣсами. Здѣсь встрѣчаются: береза, пихта, лиственница, ель и главнымъ образомъ сосна, которая отличается своимъ долголѣтіемъ. Такъ, напр., встрѣчаются сосны старше 350 лѣтъ, что узнается, какъ извѣстно, по количеству слоевъ древесины.

Въ густыхъ и непроходимыхъ лѣсахъ водятся всякаго рода звѣри. Здѣсь встрѣчаются: волки, лисицы, росомахи, лѣсные бурые медвѣди, дикіе олени и бѣлки, которыя, прыгая съ дерева на дерево, ищутъ еловыхъ и сосновыхъ шишекъ. Здѣсь же водятся: рябчики, утки, куропатки и ихъ заклятый врагъ—большая бѣлая сова. Въ тѣни лѣсовъ растутъ разнообразныя грибы и ягоды, собирать которые приходятъ жители дальнихъ селеній. Это бываетъ въ осеннюю пору. Тогда же сюда являются лопари и русскіе поморы охотиться на оленей, куропатокъ, лисицъ и на маленькихъ пушныхъ бѣлокъ. Такимъ образомъ лѣсной промыселъ составляетъ одинъ изъ важныхъ источниковъ пропитанія жителей Лапландіи. Но, какъ мы уже замѣтили, лѣсомъ покрыта только очень незначительная часть Лапландіи и къ тому же онъ уменьшается изъ года въ годъ. Искони здѣсь идетъ борьба между холоднымъ и все уничтожающимъ сѣвернымъ вѣтромъ и растительнымъ царствомъ. Вѣтеръ срываетъ безчисленное множество вѣтокъ и иглъ съ хвойныхъ деревьевъ, которыя устилаютъ землю толстымъ покровомъ и мѣшаютъ всякой растительности. Лѣса отодвигаются

все дальше и дальше, а тундра дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія.

Отдѣльныя деревья встрѣчаются около рѣкъ, озеръ и на обращенныхъ къ югу склонахъ скалъ. Но настоящій сплошной дремучій лѣсъ находится въ сѣверо-западной части Лапландіи.

На первый взглядъ должно показаться страннымъ, что хвойные лѣса растутъ въ большомъ количествѣ на самомъ крайнемъ сѣверѣ Лапландіи, а не на югѣ; такимъ же страннымъ кажется другое обстоятельство, а именно, что вода Бѣлаго моря холоднѣе воды Ледовитаго океана. Между тѣмъ это давно установленный фактъ, который объясняется очень просто. Дѣло въ томъ, что на сѣверѣ, мимо такъ называемаго Мурманскаго берега, протекаетъ гольфштремъ—это теплое морское теченіе, которое начинается въ Мексиканскомъ заливѣ, проходитъ черезъ Атлантическій океанъ и достигаетъ западнаго берега острова Новой земли. Благодатное дѣйствіе гольфштрема и дѣлаетъ то, что болѣе близкая къ нему сѣверо-западная часть Лапландіи оживленнѣе юго-восточной. Точно также и та часть Ледовитаго океана, черезъ которую проходитъ это теченіе, теплѣе Бѣлаго моря.

Читатель помнитъ, что именно на западъ отъ озера Имандры Нахимовъ замѣтилъ въ синѣющей дали тѣ хвойные лѣса, о которыхъ рассказывалъ Андрей.

Наоборотъ, на сѣверо-востокъ отъ Имандры до самыхъ береговъ Бѣлаго моря, до такъ называемаго Терскаго берега, все пространство покрыто скалами, озерами, болотами и тундрами.

Ничто не приводитъ въ такое уныніе лапландца, какъ воспоминаніе о тундрѣ. Онъ ея боится больше чѣмъ злыхъ духовъ. Это уже не врагъ воображаемый,

Тундра лѣтомъ.

(Изъ „Живописной Россіи“).

а врагъ дѣйствительный, разрушительную силу котораго лопарю не разъ приходится испытывать.

Что такое тундра? Чѣмъ объяснить ту печальную славу, которая связана съ ея именемъ?

Все, что для человѣка есть страшнаго въ словѣ *смерть*, заключается и въ словѣ тундра. Да, она сулитъ смерть всякому, кто очутится среди нея безъ дороги, безъ проводника, и при томъ какую смерть! Медленную, мучительную, отъ продолжительнаго голода и холода или быструю, внезапную въ когтяхъ лютаго звѣря. Въ океанѣ, на лодкѣ, среди волнъ и акулъ человѣкъ находится въ большей безопасности, чѣмъ заблудившійся въ тундрѣ путешественникъ. Тамъ онъ можетъ надѣяться, что волны выбросятъ его на берегъ, но здѣсь, въ безжизненной тундрѣ, гдѣ на протяженіи сотенъ верстъ нѣтъ людскаго жилища, онъ навѣрное погибнетъ.

Лапландскія тундры раздѣляются по характеру своей почвы на сухія и болотистыя. Первыя, покрытыя сухимъ торфомъ, менѣе безопасны, чѣмъ вторыя, состоящія изъ топкой земли, покрытой мхомъ. Последнее обстоятельство именно нерѣдко и обманываетъ путешественника. Онъ воображаетъ, что подъ его ногами твердая почва, заросшая мхомъ, а попадаетъ въ топкое болото, гдѣ нерѣдко находитъ смерть.

Жизнь въ тундрѣ очень бѣдна, въ особенности въ теченіе зимы, которая тянется большую часть года. Главными представителями здѣшняго растительнаго царства являются разные виды мховъ, отличающіеся одинъ отъ другого своимъ цвѣтомъ. На тундрѣ растутъ и бѣлый мохъ—ягель, любимая пища сѣверныхъ оленей, и зеленый, и желтый, и сѣрый мохъ, покрывающій громадныя пространства на десятки верстъ. Это и при

даетъ тундрѣ въ лѣтніе мѣсяцы тѣ разнообразныя оттѣнки, которые замѣчаются въ различныхъ ея мѣстахъ. Когда къ мхамъ примѣшиваются желтыя поля съ морошкой, которая растетъ здѣсь въ большомъ изобиліи, тундра напоминаетъ цвѣтушія садовыя клумбы. Этими нѣсколькими лѣтними мѣсяцами, отъ іюня до конца сентября, ограничивается вся жизнь тундры. Въ это время появляются здѣсь гуси, утки и любящій одиночество лебедь, который по наблюденіямъ не только лопарей, но и ученыхъ, возвращается всегда къ тѣмъ болотамъ и озерамъ, гдѣ онъ потерялъ подругу своей жизни. Тогда же появляются въ тундрѣ и стада оленей, которые ищутъ въ прохладныхъ озерахъ спасенія отъ докучливыхъ слѣпней и комаровъ. Другимъ обыкновеннымъ посѣтителемъ лапландскихъ тундръ является особый видъ полевой мыши, отличающійся своими пушистыми хвостиками и необыкновенной плодовитостью. Мыши являются сразу въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что лопари (читатель навѣрное помнитъ разсказъ Андрея) воображаютъ ихъ падающими съ облаковъ. Другая характерная черта этихъ маленькихъ четвероногихъ жителей Лапландіи та, что они идутъ стадами и всегда *по прямой линіи*. Если же по дорогѣ имъ встрѣтится озеро или рѣка, мыши пускаются вплавъ или, что еще удивительнѣе, взбираются на плавающія вѣтви и, поднявъ свои хвосты какъ паруса, плывутъ по вѣтру или по теченію воды. Съ начала октября жизнь въ тундрѣ замираетъ. Птицы улетаютъ на югъ искать теплаго пріюта, олень бѣжитъ снова въ лѣсъ, а лопарь возвращается въ свои пырты, чтобы предаться праздности и бесѣдамъ о злыхъ духахъ, живущихъ надъ и подъ землею, въ озерахъ и пещерахъ. Ледъ сковываетъ рѣки, озера, болота, почву и только ягель уцѣлѣваетъ подъ

теплымъ покровомъ снѣга, гдѣ его отыскиваетъ случайно затерявшійся олень, проворно разгребая снѣгъ своими передними копытами или расплавляя своимъ дыханіемъ ледяную кору.

Жизнь исчезла, и надъ холодной лапландской пустыней воцаряются мракъ и гробовое молчаніе, нарушаемые лишь свистомъ сѣверныхъ суровыхъ вѣтровъ, или зловѣщими криками бѣлой совы.—Долгая зимняя ночь спустилась надъ ледяной пустыней и ничто не можетъ тогда привлечь человѣка въ этотъ безжизненный мертвый міръ. Ничто, ни даже великолѣпное сѣверное сіяніе, которое сверкаетъ и переливается на небѣ, озаряя волшебнымъ свѣтомъ необъятныя пространства.

Однако, намъ пора вернуться къ нашимъ путешественникамъ.

Хорошо отдохнувши на почтовой станціи въ чистенькой русской избѣ, съ шумящимъ самоваромъ, Нахимовъ, Андрей и Алеша пустились по водамъ Имандры. Но это не было уже вчерашнее озеро. Къ несчастью для Нахимова неутѣшительныя предсказанія Андрея на счетъ погоды сбылись. Шель густой снѣгъ, который сейчасъ же таялъ, въ соприкосновеніи съ водой, а самихъ путешественниковъ и лодку покрылъ точно бѣлымъ саваномъ.

— Какая тутъ у васъ погода! снѣгъ въ концѣ мая,—сказалъ, не безъ нѣкоторой досады, Нахимовъ.

— То ли бываетъ еще у насъ! Тутъ и въ іюлѣ, случается, выпадетъ снѣгъ,—отвѣтилъ Андрей и, положивъ весла, сталъ растирать свои окоченѣвшія руки, потомъ вынулъ трубку и закурилъ. Лодкой правилъ одинъ Алеша, который, несмотря на сильный холодъ, обливался потомъ.

Въ виду скверной погоды, путешественники должны были часто дѣлать остановки на островахъ Имандры.

Только на третій день они прїѣхали въ такъ называемую *Казацкую Избу*, самую сѣверную станцію озера. Здѣсь Нахимовъ ожидало прїятное извѣстіе. Онъ встрѣтилъ остановившагося въ той же избѣ священника Нотозерскаго погоста, т. е. того лопарскаго селенья, расположеннаго возлѣ источника рѣки Туломы, къ которому стремился Нахимовъ. Отецъ Василій объѣзжалъ лопарскія пырты вокругъ озера и на обратномъ пути остановился въ *Казацкой Избѣ*, чтобы переждать снѣжную вьюгу и потомъ отправиться черезъ тундру Печу обратно въ Нотозерскъ. Нахимовъ невыразимо обрадовался, когда узналъ, что по тундрѣ они поѣдутъ вмѣстѣ.

— Намъ вдвоемъ не будетъ такъ страшно и скучно, какъ одному, — говорилъ онъ, выдавая этимъ самымъ, какое безпокойное чувство охватывало его при мысли о путешествіи по тундрѣ.

Хотя Нахимовъ провелъ въ дорогѣ всего пять дней, но, благодаря невзгодамъ, перенесеннымъ въ пути, это время показалось ему безконечно длиннымъ, а Петербургъ и всѣ воспоминанія, связанныя съ нимъ, подъ наплывомъ новыхъ впечатлѣній отодвинулись въ далекое прошлое. Встрѣча съ русскимъ священникомъ пробудила въ Нахимовѣ всѣ эти воспоминанія о родинѣ и онъ съ жадностью прислушивался къ его словамъ. Батюшка рассказывалъ о своей жизни, о томъ, какъ онъ попалъ въ лопарскій приходъ и объ отношеніяхъ, установившихся между нимъ и лопарями. Потомъ онъ перешелъ къ рассказамъ о жизни и нравахъ лопарей. Между прочимъ, отецъ Василій рассказалъ слѣдующій случай, свидѣтельствующій о грубости вѣрованій лопарей.

— Однажды заходитъ ко мнѣ, — началъ онъ, — моло-

дой лопарь и, поцѣловавъ руку, подставляетъ мнѣ подъ самый носъ свою шапку, говоря: батюшка, у меня родился мальчикъ, скажите молитву въ шапку, я ее отнесу въ пырту.

Дѣйствительно, лопари настолько невѣжественны, что вѣрятъ въ возможность спрятать молитву въ шапку.

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ отца Василя о лопаряхъ Нахимова особенно заинтересовало сказаніе о *сѣдомъ духъ*, который, по вѣрованію лопарей, обитаетъ на сѣверномъ полюсѣ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ его содержаніе.

— Жиль-былъ когда-то умный и добрый лопарь. Въ награду за его мудрость и добрыя дѣла Богъ обратилъ этого лопаря въ духа и далъ ему во владѣнія всю невидимую окраину за океаномъ и цѣлую свиту изъ оленей и бѣлыхъ медвѣдей. Однако, сѣдой духъ не забываетъ своихъ соотечественниковъ лопарей. Онъ присылаетъ за ними большія льдины, на которыхъ они могутъ поѣхать къ нему. Поэтому, когда отломавшаяся льдина уносить какого-нибудь лопаря въ океанъ, другіе не горюютъ — они думаютъ, что онъ попадетъ прямо въ царство сѣдого духа, который поджидаетъ лопаря съ нетерпѣніемъ, чтобы узнать, что дѣлается въ Лапландіи. Въ заокеанскомъ царствѣ сѣдого духа стоитъ вѣчный пиръ, такъ какъ тамъ вдоволь и оленьяго мяса, и табаку. Пиръ этотъ происходитъ на большихъ льдинахъ, вокругъ пылающихъ исполинскихъ костровъ, пламя которыхъ достигаетъ до самой Лапландіи въ видѣ сѣвернаго сіянія. Однако, по другимъ лапландскимъ сказаніямъ, сѣверныя сіянія—это души умершихъ лопарей, возвращающіяся на землю послѣ долгаго странствованія.

Тѣмъ же невѣжествомъ объясняются, какъ эти сказанія, такъ и сильная вѣра лапландцевъ въ знахарокъ и колдуновъ.

Среди этихъ разговоровъ Нахимовъ и его собесѣдникъ не замѣтили, какъ прошло время, тѣмъ болѣе что на дворѣ было совершенно свѣтло, и они не знали, утро-ли теперь или ночь. Но такъ какъ имъ предстояло длинное и трудное путешествіе, они улеглись спать, чтобы запасть свѣжими силами.

Было уже двѣнадцать часовъ дня, когда Нахимовъ и его новый товарищъ отправились въ дальнѣйшій путь. Раньше чѣмъ вступить въ тундру, имъ предстояло переправиться черезъ два маленькія озера, которыя отдѣлялись отъ Имандры полосой земли. Андрей и Алеша перенесли туда свою маленькую лодку, въ которой и переплыли озера. Здѣсь Нахимовъ распростился съ своими лопарями, предварительно снявъ съ нихъ фотографію. Последнее обстоятельство очень обрадовало Алешу, и онъ просилъ Нахимова, чтобы тотъ непременно прислалъ ему карточку. Когда-же Нахимовъ спросилъ, по какому адресу прислать фотографію, Алеша немного замялся, а потомъ отвѣтилъ: „Алешѣ Андрееву въ *лопскую* землю“.

— Долго она будетъ тебя искать въ *лопской* землѣ и, пожалуй, вернется опять въ Петербургъ—отвѣтилъ смѣясь Нахимовъ. Чтобы утѣшить Алешу, онъ вынулъ изъ чемодана видъ Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ.

— Вотъ тебѣ, Алеша, картинка. Повѣсь ее въ пиртѣ и показывай своимъ,—сказалъ онъ и распростился съ лопарями.

Отсюда имъ предстояло ѣхать около 200 верстъ, черезъ всю тундру Печу на лопарскихъ саняхъ, которыя,

кстати сказать, совсѣмъ не похожи на наши. Лопарскія сани—это длинное корыто, сдѣланное изъ сосновыхъ досокъ, въ которомъ можетъ умѣститься одинъ только человѣкъ, и то не сидя, а растянувшись, такъ какъ сани не глубоки. Лопари кладутъ обыкновенно въ сани или *корезки*,—какъ они еще называются, дѣтей, провизію, снасти и другія охотничьи принадлежности, сами же идутъ пѣшкомъ.

Кромѣ открытыхъ корезекъ у лопарей встрѣчаются еще закрытыя сани или *балки*. Это обыкновенныя сани, къ которымъ, для защиты отъ снѣга и дождя, придѣланъ верхъ изъ натянутой на обручакъ парусины.

Нахимовъ и отецъ Василій наняли двѣ балки, въ которыхъ думали сами помѣститься, а кромѣ того еще двѣ корезки, куда положили свой багажъ, состоявшій изъ чемодановъ и двухъ большихъ корзинокъ съ хлѣбомъ, мясомъ, сушеными плодами да еще нѣсколькихъ бутылокъ крѣпкихъ напитковъ — вещь, безъ которой трудно обойтись на холодномъ сѣверѣ. Вся эта провизія была закуплена въ Казацкой Избѣ, въ такомъ количествѣ, чтобы ея по крайней мѣрѣ хватило дней на десять. Кромѣ того священникъ везъ съ собой керосинку, на которой можно было приготовить чай и кофе.

Хозяева корезекъ и балокъ — два молодыхъ лопаря—должны были служить проводниками.

Когда все было уложено, путешественники, закутавшись въ шубы, влѣзли въ балки, и караванъ, или *райда*, какъ онъ называется въ Лапландіи, ужъ готовъ былъ пуститься въ путь.

— Батюшка, благослови,—обратились оба лопаря къ священнику и, перекрестившись, опустили на колѣни передъ нимъ.

— Дай намъ Богъ короткую и счастливую дорогу,—отвѣтилъ священникъ, осѣняя ихъ крестнымъ знаменемъ.

Караванъ тронулся. Первымъ шелъ одинъ изъ проводниковъ, отыскивая дорогу, за нимъ слѣдоваль олень, запряженный ремнями изъ оленьихъ шкуръ въ первую корежку съ провизіей, къ ней былъ привязанъ олень со второй корежки и такимъ же образомъ были привязаны балки священника и Нахимова.

За послѣдней балкой, гдѣ сидѣлъ Нахимовъ, шелъ второй проводникъ, который долженъ былъ слѣдить, чтобы олени не распрягались и не отставали въ дорогѣ.

Издали этотъ длинный, растянувшійся на десять сажень, караванъ напоминалъ маленькій поѣздъ, медленно подвигавшійся, отклоняясь то вправо, то влѣво, по равнинѣ, среди бѣлыхъ облаковъ снѣжной пыли, которыя поднимали олени своими копытами. Въ началѣ путешествія погода стояла хорошая. Только глубокой снѣгъ, единственный слѣдъ бушевавшей въ теченіе трехъ дней метели, затруднялъ движеніе каравана. Иногда санки проваливались въ рыхломъ снѣгу, дохнувшемъ оленямъ по брюхо.

Когда же за снѣжными полями потянулись покрытыя льдомъ болота, олени мчались по нимъ съ такой быстротой, что проводники едва поспѣвали за караваномъ, а растянувшіеся въ балкахъ путешественники съ трепетомъ ожидали ежеминутно, что вотъ—вотъ ихъ выброситъ изъ саней. Съ еще большимъ страхомъ они спускались съ холмовъ, или *кургановъ*, какъ ихъ называютъ на сѣверѣ, которые имъ часто встрѣчались въ дорогѣ. Въ такихъ случаяхъ проводники распрягали оленей, привязывали ихъ сзади къ санямъ, на кото-

ря сами садились и, свѣсивши ноги впередъ, спускались какъ на салазкахъ, правя ногами. То же самое должны были дѣлать и наши путешественники. Священнику, привыкшему къ такимъ спускамъ, это было не трудно, но бѣдный Нахимовъ не разъ вываливался изъ саней и летѣлъ стремглавъ внизъ, катясь по холодному льду. Къ счастью, спуски не отличались большой крутизной, и онъ отдѣлывался только легкими ушибами, а успѣвшіе спуститься раньше его лопари являлись ему на помощь.

— Вотъ! завидую я вамъ,—говорилъ Нахимовъ священнику, который смѣялся надъ безпомощностью своего спутника.

— Если можно кому-нибудь завидовать, такъ это лопарямъ,—возразилъ отецъ Василій.—Нужно видѣть, съ какой необыкновенной ловкостью они спускаются, дѣйствуя своими ногами, точно гребецъ веслами, не съ такихъ маленькихъ холмовъ, а со склоновъ больше ста сажень вышины.

— А какъ удачно находятъ они дорогу въ пустынной тундрѣ!—прибавилъ Нахимовъ, удивляясь искусству лопарей.

И въ самомъ дѣлѣ, было чему удивляться! Въ обширной тундрѣ Печѣ, растянувшейся вокругъ на нѣсколько сотъ верстъ, не было слѣда какойнибудь дороги, и тѣмъ не менѣе лопари безошибочно вели ихъ къ цѣли. Проводники знали каждый пригорокъ, каждый кустикъ, которые они часто отрывали изъ подъ снѣга, чтобы убѣдиться, не заблудились ли они.

Кромѣ того они находили дорогу по рѣкамъ, водопадамъ, маленькимъ озерамъ, скаламъ, которыя изрѣдка встрѣчались въ тундрѣ. Часто, когда ожидаемый водопадъ, дѣйствующій даже зимою, не показывался, проводники ложились на землю, внимательно присл

шиваясь къ шуму и, благодаря своему необыкновенно тонкому слуху, они приблизительно опредѣляли разстояніе, которое имъ оставалось еще проѣхать.

Проводники Нахимова обладали еще другимъ средствомъ узнавать дорогу, которое они переняли у русскихъ поморовъ. Это былъ компасъ съ намагниченной стрѣлкой, колебанія которой указывали направленіе дороги.

V.

В Ъ Ю Г А.

Первые три дня путешествія прошли безъ всякихъ приключеній. Каждые четыре или пять часовъ, караванъ останавливался для отдыха. Одинъ изъ проводниковъ распрягалъ оленей, которые сейчасъ же принимались отыскивать ягель подъ снѣжной корой, другой вынималъ изъ саней провизію. Послѣ этого всѣ усаживались на оленьихъ шкурахъ и принимались за ѣду.

На первой же остановкѣ лопари попросили выпить. Когда Нахимовъ поднесъ одному изъ нихъ чарку водки, тотъ отвѣтилъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

— Я водки не пью.

— А что же ты пьешь?—замѣтилъ, смѣясь, вмѣшавшійся въ разговоръ священникъ.

— Ромъ,—отвѣтилъ проводникъ, поглядывая искоса на лежавшую въ корзинкѣ бутылку, на ярлыкѣ которой была норвежская надпись.

— Такъ вотъ какъ!—отвѣтилъ Нахимовъ,—а не хочешь-ли ты шампанскаго?

Лопарь обидѣлся и немного погодя сказалъ: — я и *шампанское* пью, и ликеры пью,—пью все хорошее.

Лопарь говорилъ сущую правду. Онъ рассказывалъ, что, прїѣзжая въ Колу, куда привозятся изъ Норвегіи, тайнымъ образомъ (контрабандой), всякіе безпошлинные напитки, ликеры, шипучія вина, пропивалъ все, что зарабатывалъ на рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ.

— Пей, что тебѣ даютъ,—замѣтилъ немного раздосадованный другой проводникъ.

Однако, Нахимовъ, желая доставить удовольствіе требовательному лопарю, угостилъ его ромомъ.

— Только смотри, не сбейся съ дороги,—говорилъ онъ, подавая ему рюмку.

— Скверно, что вы пьете,—замѣтилъ священникъ.

— Что же дѣлать, батюшка,—отвѣтилъ второй изъ проводниковъ.—Что для оленя—ягель, то для лопаря—водка.

Среди подобныхъ разговоровъ путешественники спѣшили окончить свой обѣдъ. Хотя они были тепло одѣты, но здѣсь, на снѣгу, подъ открытымъ небомъ, нельзя было оставаться долго на одномъ мѣстѣ. Даже въ своей балкѣ, закутанный, кромѣ шубы, еще въ оленьи шкуры, Нахимовъ чувствовалъ, что у него мерзнуть ноги, и не разъ и онъ, и священникъ проходили пѣшкомъ большія пространства, чтобы согрѣться. Когда-же солнце спускалось за горизонтъ и наступала лѣтняя свѣтлая ночь, Нахимовъ и священникъ ложились въ свои балки и готовились ко сну. Они закутывались хорошо въ оленьи шкуры, а проводники спускали парусины на кибиткахъ, привязывали ихъ къ наружной части балокъ, такъ что находившіеся внутри путешественники погружались въ полную тьму. Сами же проводники устраивались въ открытыхъ саняхъ, изъ которыхъ они вынимали на это время корзины и чемоданы. Но обыкновенно они спали не долго. Давъ немного передохнуть

оленьямъ, они снова отправлялись въ дорогу, между тѣмъ какъ ихъ русскіе спутники продолжали спать, и проводники только тогда заглядывали къ нимъ, когда они сами звали ихъ, прося развязать парусину.

Однажды, проснувшись, Нахимовъ услышалъ вокругъ своихъ саней сильное завываніе вѣтра. „Опять метель“, подумалъ онъ и, повернувшись на другой бокъ, постарался снова заснуть.—Лучше въ такую погоду спать, чѣмъ глядѣть на тундру,—говорилъ онъ про себя, тѣмъ болѣе, что его балка стояла на мѣстѣ, изъ чего онъ заключилъ, что и его спутники тоже отдыхаютъ. Прошло можетъ быть два или три часа. Нахимовъ снова проснулся, и каково-же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что сани все еще стоятъ на одномъ мѣстѣ.—Не потеряли-ли они меня?—мелькнуло у него въ умѣ. Онъ началъ звать проводника, но никто не откликнулся на его голосъ. Тогда Нахимовъ вытащилъ изъ кармана перочинный ножикъ, разрѣзалъ парусину и вынулъ голову. Его сразу обдало пронзительнымъ морознымъ вѣтромъ и снѣгомъ, такъ что онъ невольно зажмурилъ глаза. Когда-же онъ вышелъ изъ балки и началъ смотрѣть вокругъ себя, то, кромѣ своихъ саней и лежащаго возлѣ нихъ въ снѣгу оленя, ничего не увидѣлъ. Онъ понялъ, что случилось. Очевидно олень отвязался, а не замѣтившіе этого проводники поѣхали дальше, оставивъ его среди тундры.

Первая мысль, которая пришла Нахимову въ голову, была — кричать, но скоро онъ сообразилъ, какъ мало это помогло-бы. Проводники навѣрное успѣли уже отъѣхать далеко, да если бы они и были близко, то вьюга помѣшала-бы имъ услышать его зовъ. Нахимовъ рѣшилъ было ѣхать дальше. Но какого направленія держаться? Снѣгъ занесъ слѣды райды, и всѣ его ста-

ранія отыскать дорогу были тщетны. Ему ничего больше не оставалось, какъ войти обратно въ балку и ждать. „Проводники и Василій Петровичъ навѣрное замѣтятъ мое отсутствіе и вернутся меня искать“,—думалъ про себя Нахимовъ. Но вслѣдъ за проснувшейся надеждой въ душу прокрадывалось сомнѣніе, и имъ овладѣвали безотрадныя мысли:—„а можетъ быть олень отвезъ мои сани совсѣмъ въ другую сторону? Иначе они были бы уже здѣсь“. Нахимову казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ отсталъ отъ райды, прошло очень много времени. Онъ посмотрѣлъ на свои часы, но часы стояли и это только увеличило его безпокойство.—„Должно быть прошли цѣлыя сутки съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь? Какъ я не замерзъ? Какъ я не проснулся отъ голода?“—И дѣйствительно, онъ чувствовалъ теперь сильный голодъ.

Вьюга продолжала бушевать съ прежней силой и хлопья снѣга падали съ необыкновенной быстротой, покрывая толстымъ слоемъ балку. Нахимовъ подумалъ, что если онъ останется въ саняхъ, то его занесетъ снѣгомъ и тогда проводники не смогутъ его найти. Мысль о неминуемой смерти привела его въ ужасъ и онъ вскочилъ, какъ ужаленный, встряхнулся и побрелъ по снѣгу, который доходилъ ему до пояса. Олень лежалъ на томъ же мѣстѣ, занесенный снѣгомъ, изъ подъ котораго показывалась только голова, но при видѣ Нахимова онъ тоже вскочилъ на ноги и умоляющимъ взглядомъ смотрѣлъ на него.

—Что, пріятель, прійдется намъ умереть вмѣстѣ, — произнесъ тихо Нахимовъ и печальнымъ взоромъ окинулъ всю окрестность. Въ сущности онъ не зналъ даже, съ какой стороны должны были показаться проводники. Онъ такъ же мало могъ сообразить, гдѣ

быль сѣверъ, гдѣ югъ, — какъ мореплаватель, очутившійся среди океана безъ компаса. Снѣгъ падалъ такой густой, что на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ балки нельзя было ничего различить.

— Холодная Сахара, холодная Сахара! — невольно повторялъ про себя Нахимовъ, вспоминая гдѣ-то прочитанныя слова о лапландской тундрѣ.

— Такая же необъятная, такая же безлюдная, какъ африканская пустыня. Только здѣсь вмѣсто ужаснаго *самума*, не менѣе ужасная вьюга, вмѣсто облаковъ горячаго песку — облака снѣга, вмѣсто кровожадныхъ тигровъ — свирѣпый волкъ.

И въ это время ему такъ живо представилось, какъ на него бросается съ открытой пастью звѣрь, — что онъ въ ужасѣ поспѣшилъ лечь опять въ балку.

— Лучше умереть подъ снѣгомъ, чѣмъ въ когтяхъ волка.

Ему стало жалко оленя, который продолжалъ смотрѣть на него все тѣмъ-же умоляющимъ взглядомъ, и онъ, перерѣзавъ ремни, пустилъ его на свободу. Освобожденный олень вихремъ помчался впередъ и скоро скрылся изъ виду.

Закутавшись кое-какъ въ оленьи шкуры, Нахимовъ легъ въ балку, готовый умереть. Его все больше и больше заносило снѣгомъ, и ему казалось, что онъ начинаетъ мало-по-малу согрѣваться. Только рѣзкій шумъ развѣвающейся отъ вѣтра разрѣзанной парусины напоминалъ ему о бушующей снаружи вьюгѣ. Подъ звуки этой странной музыки онъ чувствовалъ, что на него нападаетъ сонливость. Но мысль его еще жила. Съ быстротой молніи онъ переносился воображеніемъ на родину, гдѣ оставилъ близкихъ. Потомъ одинъ за другимъ появлялись образы видѣнныхъ городовъ, дере-

вень, лопарскаго погоста, озера Имандры, Хибинскихъ горъ и Казацкой Избы, гдѣ онъ такъ спокойно провелъ время. Потомъ, какъ послѣднія искры потухающаго пламени, въ его воображеніи встала картина того, что ему предстояло еще видѣть, и все это исчезло въ темной, непроглядной ночи: ему казалось, что онъ летитъ въ какую-то страшную бездну вмѣстѣ съ балкой и впряженнымъ въ нее оленемъ.

— Иванъ Константиновичъ! Иванъ Константиновичъ! доносились откуда-то голоса, звавшіе Нахимова. Онъ на минуту очнулся, но сейчасъ-же подумалъ, что эти голоса—обманъ его-же собственнаго слуха, и опять погрузился въ глубокій сонъ. Да если бы онъ и хотѣлъ подняться, то окоченѣвшія ноги не послушались бы его.

Когда Нахимовъ снова очнулся, то увидѣлъ наклоненнаго надъ собой отца Петрова, который растиралъ ему виски снѣгомъ.

„Спасенъ“, подумалъ Нахимовъ и съ большимъ трудомъ открылъ ротъ, куда священникъ влилъ чарку рома.

— Сейчасъ вы согрѣетесь; мы привезли съ собой керосинку, чай, сахаръ, хлѣбъ.

— Сколько верстъ намъ осталось ѣхать?—спросилъ Нахимовъ.

— Мало,—отвѣтилъ одинъ изъ проводниковъ, просовывая свою голову изъ-за плечъ священника, а потомъ прибавилъ смѣясь:

— Наши версты тонки, да долги, старая баба мѣряла, да оборвала веревку, но теперь мы веревку нашли и ѣхать не долго.

Отецъ Василій рассказалъ Нахимову, что они очень скоро замѣтили отсутствіе его, но никакъ нельзя было найти дорогу, по которой они проѣхали.

Къ счастью, показался освобожденный Нахимовымъ олень, и по его слѣдамъ они нашли балку.

Бьюга начинала понемногу утихать, и путешественники ѣхали дальше безъ новыхъ приключеній, но Нахимовъ не выходилъ изъ своей балки до Нотозерскаго погоста. Тамъ онъ отдохнулъ и, распростившись съ отцомъ Василиемъ, взялъ съ собою одного изъ проводниковъ и поѣхалъ дальше, держась праваго берега Туломы по направленію къ Колѣ.

Рѣка Тулома беретъ свое начало изъ Нотозера, возлѣ котораго расположенъ Нотозерскій погостъ. Она протекаетъ среди исполинскихъ, крутыхъ гранитныхъ скалъ и, приближаясь къ Колѣ, расширяетъ все больше и больше свое ложе. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Кола, она достигаетъ четырехъ верстъ въ ширину. Обѣ рѣки текутъ дальше вмѣстѣ до Кольской бухты Ледовитаго океана.

Какъ по теченію рѣки Колы, такъ и по Туломѣ встрѣчаются множество водопадовъ, или *падуновъ*, какъ ихъ называютъ на мѣстномъ нарѣчьи. Изъ нихъ самый знаменитый—водопадъ Кривецъ, въ тридцати верстахъ отъ Колы. У этого водопада и остановился Нахимовъ.

Если видъ красивой природы можетъ вознаградить насъ за тѣ страданія, которыя она же сама намъ причиняетъ, то Нахимовъ былъ сторицею вознагражденъ видомъ чуднаго Туломскаго водопада за все, что перенесъ въ тундрѣ. Водопадъ Кривецъ поражалъ одновременно своими размѣрами и дикой красотой гранитныхъ обрывистыхъ береговъ.

Хотя было уже 10 іюня, но по обѣимъ сторонамъ водопада возлѣ береговъ стоялъ еще ледъ, въ видѣ громадныхъ сосулекъ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формъ. И въ этой сдѣланной самой приро-

Туломскій водопадъ.

(Изъ „Живописной Россіи“).

дой двойной рамѣ изъ гранита и льда падала съ головокругоужительной быстротой, съ семи сажень вышины, громадная водяная масса, среди беспорядочно нагроможденныхъ камней, разбиваясь въ мелкую водяную пыль. Оглушительный шумъ бьющихся о скалы водъ наполнялъ всю окрестность. Отъ времени до времени на поверхности воды показывались громадные сосновые деревья, которыя волны подбрасывали, какъ щепки, унося ихъ дальше по направленію къ океану.

— Что это такое?—спросилъ Нахимовъ проводника, показывая на доски, торчація изъ воды.

— Загородка для ловли семги, — отвѣтилъ онъ, и рассказалъ, что какъ разъ въ эту весеннюю пору семга цѣлыми стадами является изъ океана въ рѣки метать тамъ, далеко отъ хищныхъ морскихъ рыбъ, свою икру.

Въ тотъ же вечеръ 10 іюня Нахимовъ былъ уже въ городѣ Колѣ—первое русское селеніе, куда онъ попалъ послѣ двухнедѣльнаго путешествія по Лапландіи.

Такимъ образомъ онъ выполнилъ первую часть своего плана, проѣхавъ по озерамъ и тундрамъ 1,110 верстъ, считая кругъ, который онъ сдѣлалъ, чтобы попасть въ Нотозерскъ.

Нахимовъ остановился у одного помора, гдѣ его встрѣтила хозяйка, такъ какъ самъ хозяинъ, какъ и большинство поморовъ, уѣхалъ нѣсколько дней тому назадъ на сельдяной промыселъ по Мурманскому берегу.

— Должно быть, матушка, не легко вамъ живется,—замѣтилъ Нахимовъ, когда пожилая хозяйка начала описывать ихъ *страду*.

— Потому то и сказываютъ про нашъ городъ, отвѣтила она—съ одной стороны море, съ другой—горе, съ третьей—мохъ, а съ четвертой—охъ!

Нахимовъ засмѣялся.

— А то есть еще другая поговорку получше,—продолжала она:—„отъ Колы до ада всего три версты“.

И словоохотливая хозяйка стала рассказывать о прошломъ города и, между прочимъ, о бомбардировкѣ англичанъ, которые сожгли Колу 11 и 12 іюля 1854 г., во время Крымской кампаніи.

Рассказы словоохотливой хозяйки тянулись бы Богъ вѣсть сколько времени, если бы Нахимовъ не положилъ имъ конецъ.

— Пора спать,—сказалъ онъ и, спустивъ занавѣску, чтобы ему не мѣшала бѣлая ночь, черезъ нѣсколько минутъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

VI.

По Мурманскому берегу.

Со Св. Носа, гдѣ кончается Бѣлое море, до Норвежской границы, на разстояніи больше тысячи верстъ, тянется сѣверо-восточный берегъ Лапландскаго полуострова, извѣстный подъ названіемъ Мурманскаго берега.

Какъ поверхность самаго полуострова, такъ и Мурманскій берегъ покрыты высокими обрывистыми скалами. На всемъ протяженіи Ледовитый океанъ образовалъ широкія и глубокія губы, куда вливаются полноводныя и порожистыя лапландскія рѣки. Хотя въ сравненіи съ Терскимъ берегомъ, т. е. съ берегомъ Бѣлаго моря, Мурманъ, благодаря вліянію Гольфштрема, оживленнѣе, но во всякомъ случаѣ жить здѣсь не легко. Поэтому и на всемъ тысячеверстномъ пространствѣ его береговъ обитаютъ лишь 2100 жителей—лопари и ничтожное количество русскихъ поселенцевъ.

Какими тяжелыми жертвами сопровождается борьба съ суровой сѣверной природой, какими страшными испытаніями она полна, можно судить по безчисленнымъ деревяннымъ крестамъ, воздвигнутымъ поморами по скаламъ Мурмана и прилежащимъ къ нему островамъ на могилахъ умершихъ товарищей или въ знакъ благодарности за спасеніе отъ бурь и вьюгъ.

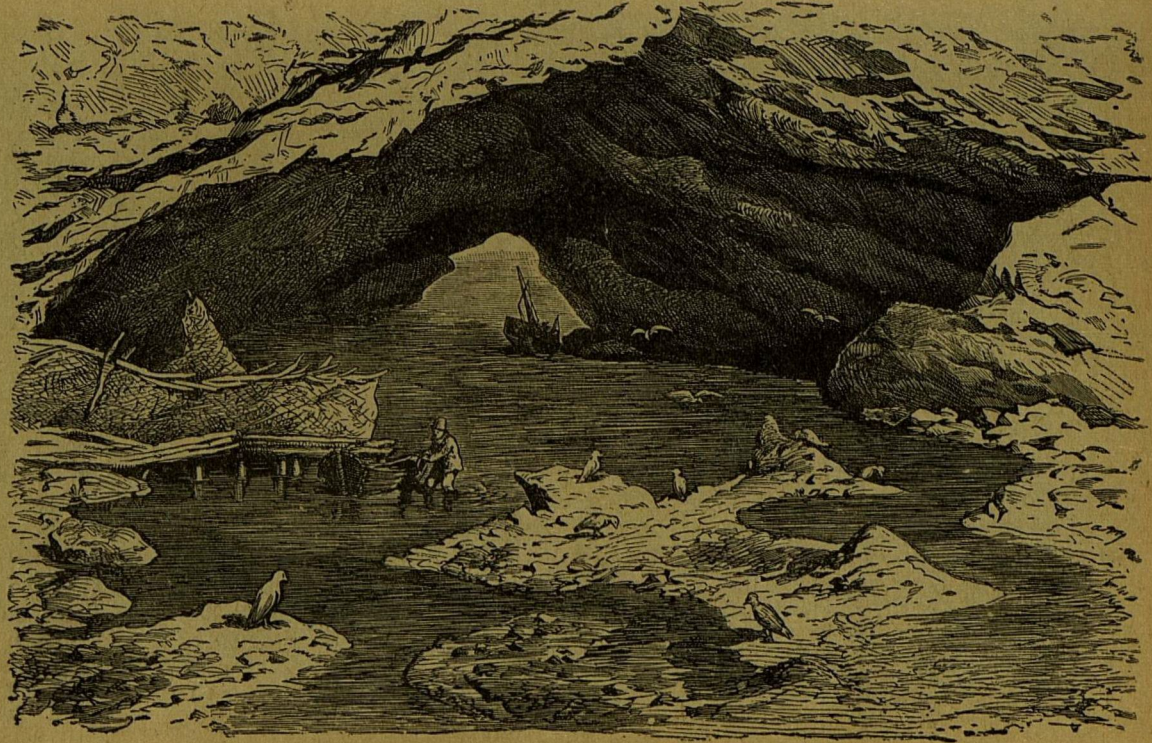
Вотъ этотъ-то берегъ собирался объѣхать океаномъ Нахимовъ раньше, чѣмъ отправиться на Новую Землю.

Для этой цѣли онъ нанялъ въ Колѣ небольшое парусное судно, или *шкуну*, какъ оно называется на сѣверѣ, шести сажень длины, съ тремя парусами и однимъ клеверомъ, т. е. маленькимъ трехугольнымъ парусомъ на носу судна. Здѣсь же, по близости отъ носа, находилась крошечная каюта, въ которой устроился Нахимовъ.

Кромѣ Нахимова на шкунѣ находился еще ея хозяинъ Егоръ, бывшій одновременно и кормчимъ, и поваромъ, и молодой гребецъ Костя, въ обязанность которому вмѣнялось чистить палубу, снимать паруса и услуживать Нахимову. Къ обитателямъ шкуны нужно прибавить большую лапландскую собаку *Акулушку*, прозванную такъ за ея слабость ко всякаго рода рыбамъ. Егоръ, какъ и всѣ русскіе поморы, носилъ грубую холщевую рубашку, кожаную шапку и большіе смазные сапоги.

Еще во время своей первой встрѣчи съ Нахимовымъ, онъ принялъ по отношенію къ нему дружески-фамиллярный тонъ: часто пожималъ ему руки и при разговорѣ нерѣдко говорилъ ему *ты*.

— Ты, ваша милость, поморовъ не знаешь, у насъ тутъ *большаковъ* нѣтъ.

Мурманскій берегъ.

(Изъ „Живописной Россіи“).

Такое обращеніе не коробило Нахимова. На обвѣтренномъ грубомъ лицѣ кормчаго выражалось столько честности и прямоты, что Нахимовъ съ удовольствіемъ отвѣчалъ на пожатія его мозолистыхъ рукъ.

12-го іюня въ шесть часовъ утра, шкуна *Рязвѣй*—такъ называлось судно Егора—отчалила отъ пристани. До вступленія въ океанъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ *Рязвѣй* шелъ по широкой кольской бухтѣ, которая своими отвѣсными высокими скалами, залитыми яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, представляла красивое зрѣлище.

Въ бухтѣ уже ощущалась близость океана. Было время прилива. Нахлынувшая морская волна при встрѣчѣ съ теченіемъ рѣки образовала сильную зыбь.

Вотъ началъ доноситься съ моря насыщенный солеными испареніями воздухъ,—и черезъ нѣсколько минутъ шкуна вышла изъ бухты и очутилась на поверхности Ледовитаго океана.

— Костя, распускай клеверъ,—крикнулъ Егоръ, а самъ занялся парусами.

Въ одно мгновеніе клеверъ и паруса были подняты и сейчасъ-же вздулись подъ дѣйствіемъ легкаго вѣтра.

— Помогите Господи! въ добрый часъ!—произнесъ Егоръ, осѣняя себя крестнымъ знаменемъ.

— Помогите Господи!—отвѣтилъ Нахимовъ, который все это время внимательно слѣдилъ за движеніями двухъ моряковъ.

— Теперь нужно выпить по рюмочкѣ—по другой, чтобы былъ попутный вѣтеръ,—сказалъ Егоръ, подмигивая однимъ глазомъ.

— Что-же, коли тебѣ хочется, такъ выпьемъ.—Но сейчасъ-же Нахимову какъ бы стало совѣстно, что онъ такъ легко согласился удовлетворить убійствен-

ной слабости помора, и онъ спросилъ съ серьезнымъ видомъ.

— А что, Егоръ, у васъ здѣсь много пьютъ?

— Да что думаешь, ваша милость, мы не люди что-ли? Рыбамъ дана соленая вода, а морякамъ водка.

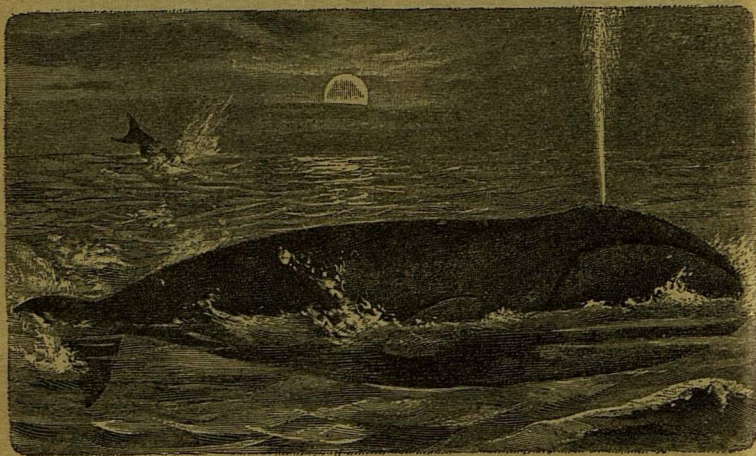
— Это нехорошо, Егоръ.

— Да, ваша милость, ничего не понимаешь; теперь-то пьютъ мало, а вотъ въ осеннюю пору, когда кончаются промыслы, тогда у насъ одно *отчаяніе*: пьемъ, поемъ и пляшемъ.—При этомъ Егоръ расхохотался и изобразилъ пляшущаго человѣка, чтобы показать петербургскому ученому, какого рода „отчаяніе“ бываетъ на Мурманѣ осенью.

Отъѣхавъ отъ берега на разстояніе версты, *Ръзвый* повернулъ на сѣверъ. Погода была великолѣпная. Дулъ южный попутный вѣтеръ и водная поверхность слегка колыхалась. Направо отъ судна простирался безбрежный океанъ, весь окутанный прозрачной утренней дымкой, пронизанной солнечными лучами. Налѣво виднѣлись мурманскія скалы, отчасти совсѣмъ голыя, отчасти покрытыя сѣрымъ и зеленымъ мхомъ. Иногда показывались деревянные кресты и низко стлавшіеся берега и ивнякъ, обращенные своими тонкими сучьями къ теплomu югу.

Вокругъ царила полная тишина, нарушаемая только мелодичнымъ прибоемъ волнъ или рѣзкимъ крикомъ чаекъ и гагаръ, которыя стаями спускались изъ своихъ гнѣздъ на поверхность океана. Нахимовъ съ жадностью вдыхалъ свѣжій морской воздухъ и не могъ налюбоваться чуднымъ видомъ, разстилавшимся передъ его глазами. Однако его восхищеніе смѣнилось скоро другимъ чувствомъ. Картина сѣверной природы въ ея утреннемъ, весеннемъ нарядѣ была, правда, велико-

лѣнна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и однообразна. Глаза уставали смотрѣть все на ту-же воду, на тѣ-же скалы, и у непривыкшаго къ безграничной водяной шири Нахимова кружилась голова! Онъ почувствовалъ, что съ нимъ начинается морская болѣзнь. Егоръ, который сидѣлъ возлѣ него на крышкѣ трюма, понялъ по блѣдному лицу Нахимова, что происходитъ съ нимъ.

К и т ъ.

— Выпили бы побольше и этого бы не было. Теперь тебѣ одно спасенье лежать.

Нахимовъ, дѣйствительно, всталъ, пошатываясь, пошелъ въ будку и легъ на низенькую койку кормчаго.

— Ничего, привыкните!—кричалъ ему вслѣдъ Егоръ, заливаясь звонкимъ смѣхомъ.

Нахимову даже стало досадно на такое жестокосер-

діе Егора, но, поглощенный своими страданіями, окъ ничего не отвѣтилъ.

Прошло можетъ быть два или три часа съ тѣхъ поръ, какъ заснулъ Нахимовъ, когда его разбудилъ сильный толчокъ, отъ котораго сотряслась вся шкуна.

— Не беспокойтесь, ваша милость, это льдина, — сказалъ проходившій мимо дверей будки Костя. Нахимовъ снова заснулъ, но скоро опять проснулся, услыхавъ голосъ Кости, кричавшаго изо всѣхъ силъ:

— Китъ! Китъ!

Нахимовъ вскочилъ и побѣждалъ навѣрхъ. Всего въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ судна плылъ молодой китъ, высовывая голову изъ воды и выпуская изъ своего отдушника фонтанъ теплаго пара.

Поморы вмѣстѣ съ Нахимовымъ долго слѣдили за движеніями кита, который, не подозрѣвая близости судна, преспокойно плавалъ, то погружаясь въ воду, то опять показываясь на ея поверхности.

Въ это время на палубѣ происходила другая, не менѣе интересная, сцена. *Акулка*, замѣтивъ, что всѣ обитатели шкуны столпились возлѣ борта, началъ выражать безпокойство, махая хвостомъ и кусая Костю за ногу.

— Ты тоже хочешь смотрѣть? — сказалъ молодой гребецъ и поднялъ собаку на бортъ. Тогда *Акулка*, увидя большое животное, завылъ и началъ биться въ рукахъ у Кости.

— Боишься, небось — сказалъ тотъ, опуская собаку на палубу.

— А ты не боишься? — спросилъ Нахимовъ молодого гребца.

— Китъ звѣрь добрый; если его не тронешь и онъ тебя не тронетъ, — сказалъ вмѣшавшійся въ разговоръ Егоръ.

— Акула — вотъ это звѣрь поганый, — прибавилъ Костя, — кидается на людей, кусаетъ бортъ лодки, пожираетъ треску и можетъ натворить много бѣдъ.

— Кому же больше и творить бѣду и питаться нашимъ добромъ, какъ не этой *лѣшачихъ*, — прибавилъ Егоръ.

— Приходилось-ли тебѣ охотиться на акулу? — спросилъ Нахимовъ.

— Сколько разъ. Садись, я расскажу твоей милости все доподлинно — и съ этими словами Егоръ потащилъ нашего путешественника на крышку трюма.

Нахимовъ тѣмъ охотнѣе пошелъ за Егоромъ, что кить уже исчезъ въ пучинѣ океана, а у него самого, послѣ короткаго сна, голова больше не кружилась.

Для краткости мы передадимъ длинный рассказъ Егора объ акулѣ и объ охотѣ на нее своими словами.

Акулы — это самыя хищныя морскія животныя, встрѣчались когда-то въ Ледовитомъ океанѣ въ громадномъ количествѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ на нихъ стали охотиться, количество ихъ значительно уменьшилось, хотя еще и теперь акулы большими стадами подплываютъ къ кораблю — лишь только завидятъ его издалека, окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, высывая изъ воды свои большія безобразныя головы съ открытою пастью и громадными тупыми глазами, наводящими ужасъ на моряковъ. Если въ такой моментъ кто нибудь по неосторожности упадетъ въ воду — онъ погибъ безвозвратно. Раньше чѣмъ успѣютъ прійти на помощь, хищныя морскіе волки разорвутъ его въ куски своими острыми зубами. Нерѣдко надъ трупомъ своей жертвы акулы начинаютъ драку между собою, кусаясь и нанося другъ другу смертельныя раны.

Акулы бросаются на все, что ни упадетъ съ палубы въ море; они питаются всякаго рода рыбой, поѣдаютъ пойманную въ ярусахъ треску, а иногда, если нѣтъ другой пищи, начинаютъ пожирать другъ друга и при этомъ, конечно, болѣе слабыя изъ нихъ дѣлаются жертвами болѣе сильныхъ.

Падки акулы въ особенности до ворвани и тюленьяго жиру, чѣмъ и пользуются моряки, употребляя эти предметы, какъ приманку, во время охоты на нихъ.

Охота на акулъ преслѣдуетъ двѣ цѣли: очистить океанъ отъ этихъ хищниковъ, уничтожающихъ въ громадномъ количествѣ треску и другія рыбы, и поживиться ихъ жиромъ, который моряки вытапливаютъ изъ печени акулъ и продаютъ подъ названіемъ *акулиной максы*.

Охота на акулъ производится слѣдующимъ образомъ. Охотники, обыкновенно четверо, отправляются въ лодкѣ, верстъ за 50 отъ берега и тутъ бросаютъ якорь. Наполнивъ какую нибудь посудину, съ просверленнымъ въ ней отверстіемъ, ворвань, саломъ или чѣмъ нибудь другимъ, опускаютъ ее въ море, привязавъ къ ней предварительно тяжелый камень, чтобы она попала прямо на дно. Сало изъ отверстія струится по теченію, распространяя далеко сильный запахъ, который и привлекаетъ акулъ, отличающихся необыкновенно развитымъ обоняніемъ. Но тутъ ихъ ждутъ большіе желѣзные крюки, въ футъ длины, съ кускомъ тюленьяго или китоваго мяса, привязанные длинной толстой веревкой къ лодкѣ. Жадно акула бросается на наживу и попадаетъ на уду. Тогда трое изъ промышленниковъ общими усиліями вытаскиваютъ ее на поверхность, а четвертый, самый искусный изъ нихъ, поджидаетъ на носу лодки съ

большимъ тяжелымъ двадцатифунтовымъ молоткомъ. Нѣсколькими ловко нанесенными ударами по головѣ акулы онъ ее убиваетъ. Послѣ этого промышленники перевертываютъ акулу на спину и одинъ изъ нихъ прорѣзаетъ ей брюхо длиннымъ ножомъ. Потомъ они вынимаютъ печень и, вытащивъ крюкъ изъ акулы, оставляютъ ее на произволъ судьбы.

Кончивъ ловлю, промышленники отправляются обратно домой съ лодкой, нагруженной печеньями акулъ. Тутъ то и начинается опасность. Привлеченныя запахомъ ворвани, которая успѣла уже распространиться и по поверхности воды, акулы показываются цѣлыми стадами вокругъ лодки. Болѣе смѣлые охотники тогда и начинаютъ настоящій ловъ на акулъ, но другіе спѣшатъ удалиться отъ опаснаго мѣста.

— А что тебѣ не приходилось воевать съ акулами?—спросилъ Нахимовъ Егора.

— Какъ еще! Разъ этихъ проклятыхъ акулъ напала на насъ такая уйма, что онѣ чуть лодки не опрокинули. Мы поворачиваемъ влѣво, онѣ за нами, вправо—опять за нами. Наконецъ, акулы скрылись подъ водой, ну, думаемъ, слава те Господи! Вдругъ лодка наша какъ качнется—мы такъ и думали, что всѣ полетимъ въ воду. Онѣ лѣшія, какъ видно, забрались подъ самую лодку. Дѣлать нечего, выбросили имъ всѣ печенки, тѣмъ только и спаслись. Вотъ прошлую осенью, онѣ окружили одну лодку такой громадой, что опрокинули ее своими хвостами; такъ никто больше и не видѣлъ ни единого человѣка съ той лодки. Мы имъ поставили крестъ на скалѣ. Вотъ какъ бываетъ тутъ у насъ, а ваша милость, говорите, чтобы мы не пили. Охъ, какой ты!—ты нашей страды не знаешь.

Такъ закончилъ неожиданно свой разсказъ объ акулахъ Егоръ.

Нахимовъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, ты не смѣйся, — а лучше посмотри, что тамъ дѣлается, — сказалъ кормчій, указывая пальцемъ по направленію къ берегу.

Всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ судна, океанъ былъ весь бѣлый отъ несмѣтнаго количества гагаръ, чаекъ, буревѣстниковъ. Онѣ носились вереницами по гребнямъ маленькихъ волнъ, исчезали вмѣстѣ съ ними въ глубинѣ и опять показывались на поверхности воды. Потомъ съ плескомъ поднимались въ воздухъ и, дѣлая нѣсколько круговъ, опять опускались въ воду, откуда нѣкоторыя выплывали съ маленькой рыбкой въ клювъ. За счастливой птицей гнались другія, желая поживиться ея добычей.

— Вашей милости неизвѣстно, что за птица гагара? — спросилъ Егоръ.

— Какъ неизвѣстно! Вы, поморы, уничтожили гагаръ въ несмѣтномъ количествѣ, чтобы поживиться ихъ пухомъ, — отвѣтилъ Нахимовъ; — вы разрушаете ихъ гнѣзда, чтобы забрать пухъ, которымъ самки покрываютъ свои яйца, и этимъ вредите самимъ же себѣ.

— Видно, ты гагаръ не знаешь, — сказалъ кормчій, избѣгая дать прямой отвѣтъ на справедливые упреки Нахимова, — гагара это чудная птица. Она любитъ своихъ дѣтенышей, больше чѣмъ мы дѣтей. Когда она высиживаетъ свои яйца, дѣлай съ ней что хочешь, она ихъ не оставитъ. Когда лопари и поморы снимаютъ съ нихъ пухъ, гага ощипываетъ себя до гола, чтобы укрыть своихъ птенцовъ отъ холода. А случается, гагара высиживаетъ не только свои яйца, да еще и яйца погибшихъ сосѣдокъ.

— Здѣсь бы нашей кукушкѣ жить, гдѣ къ ея услугамъ было бы столько дѣтолюбивыхъ гагарь,—подумалъ Нахимовъ, услыхавъ разсказъ Егора.

Ръзвый спокойно плылъ по зеленымъ водамъ океана, приближаясь все больше и больше къ Арскимъ китобойнымъ заводамъ, осмотрѣть которые очень хотѣлось Нахимову. Къ счастью нашихъ путешественниковъ, погода все время стояла хорошая.

Ровно черезъ сутки послѣ отплытія изъ Колы, Нахимовъ былъ разбуженъ Костей, который, просунувъ голову въ отверстіе трюма, кричалъ: — Приѣхали, приѣхали!

Дѣйствительно, *Ръзвый* осторожно пробирался по бурному проливу между низенькимъ островомъ и восточнымъ берегомъ Арской губы и скоро причалилъ къ маленькой заводской пристани. Здѣсь уже находились нѣсколько небольшихъ пароходиковъ, между которыми выдѣлялся и большой, красивый пароходъ „*Андрей Первозванный*“. Послѣднее обстоятельство было для Нахимова пріятной неожиданностью, такъ какъ онъ зналъ, что на *Андрей Первозванномъ* ѣхала русская океанская ученая экспедиція, между участниками которой были и друзья Нахимова.

Дѣйствительно, на берегу онъ встрѣтился со своими знакомыми и послѣ первыхъ привѣтствій они рѣшили сообща осмотрѣть все, что есть интереснаго въ этихъ мѣстахъ, а именно посѣтить окрестности, а потомъ и китобойный заводъ. Окрестности не представили для Нахимова ничего новаго. Это была все та же самая лапландская природа, съ которой онъ уже успѣлъ познакомиться, за то на китобойномъ заводѣ онъ увидѣлъ много любопытнаго.

Въ то время какъ разъ возлѣ завода находились

туши двухъ громадныхъ китовъ, изъ которыхъ одинъ былъ найденъ мертвымъ въ океанѣ, очевидно, убитый какимъ-нибудь другимъ судномъ.

Одинъ изъ китовъ лежалъ повернутый на спину на скалистомъ берегу, а другой находился въ водѣ, но такъ неглубоко, что онъ выступалъ надъ ея поверхность больше чѣмъ на три четверти.

Это было исполинское животное въ пятнадцать сажень длины; одна его голова занимала около пяти сажень. Эта бросающаяся въ глаза непропорціональность придавала киту рѣдкую уродливость. Глаза его казались почти незамѣтными, до того они были малы, но зато хвостъ его былъ громадный, больше двухъ саженей длины. Легко себѣ представить, какъ разсердившійся китъ однимъ взмахомъ хвоста опрокидываетъ большія лодки. Такихъ же поразительныхъ размѣровъ была и ноздря кита, черезъ которую могъ бы пролѣзть любой толстый человѣкъ.

Находившійся на берегу китъ былъ нѣсколько меньше перваго, но за то необыкновенно вздутый. Его именно и нашли мертвымъ въ океанѣ, когда онъ уже началъ разлагаться, что доказывала его вздутость и нестерпимое зловоніе, заражавшее весь воздухъ кругомъ и поразившее Нахимова еще при входѣ въ бухту.

По бѣлому брюху находившагося на берегу кита шелъ, какъ по крышѣ большого дома, съ длиннымъ серпомъ въ рукѣ, рабочій въ подкованныхъ сапогахъ, чтобы не упасть со скользкой поверхности. Дойдя до хвоста кита, онъ сдѣлалъ глубокой поперечный разрѣзъ, откуда сейчасъ поднялось невѣроятное зловоніе. Нахимовъ и его товарищи поспѣшили убѣжать съ деревяннаго моста пристани, съ котораго они слѣдили за всей операціей.

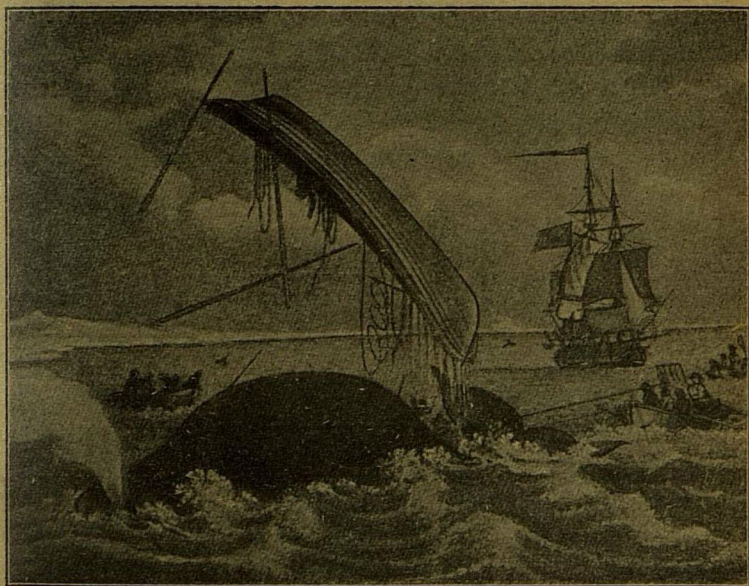
Рабочій, къ великому удивленію путешественниковъ, оставался, несмотря на зловонный воздухъ, на своемъ мѣстѣ. Послѣ перваго разрѣза онъ провелъ съ обоихъ концовъ послѣдняго два другіе разрѣза, во всю длину кита, до самой его головы. Затѣмъ рабочій опять вернулся къ хвосту, гдѣ былъ сдѣланъ поперечный разрѣзъ, но теперь въ его рукахъ, вмѣсто остраго серпа, виднѣлся большой желѣзный крюкъ, привязанный къ цѣпи, другой конецъ которой находился на заводѣ. Дойдя до перваго отверстія, онъ всунулъ глубоко крюкъ въ жиръ кита, сдѣлалъ знакъ, машина на заводѣ начала дѣйствовать и, образованная двумя длинными параллельными нарѣзами, полоса, быстро обдираясь, скатывалась въ свертокъ, который дѣлался все толще и толще, приближаясь къ головѣ. Когда свертокъ дошелъ до головы, рабочій сдѣлалъ другой поперечный разрѣзъ, и жиръ покатился по деревянному откосу, поставленному отъ мѣста, гдѣ находился китъ, до самаго завода.

Путешественники осмотрѣли и заводъ. Здѣсь они видѣли громадный ножъ-гильотину, какъ его называютъ тамъ, который съ помощью пара рѣжетъ китовый жиръ на мелкіе куски. Тутъ же находились небольшія телѣжки, на которыхъ увозился жиръ въ находящіеся на заводѣ котлы, наполненные горячимъ паромъ, подъ дѣйствіемъ котораго онъ и растапливался.

Тяжелый воздухъ, пропитанный удушливымъ запахомъ жира, заставилъ Нахимова и его друзей обратиться въ бѣгство.

Оттуда они отправились осматривать китобойные пароходы. Нахимовъ видѣлъ въ первый разъ самыя усовершенствованныя орудія для боя китовъ. Въ преж-

нія времена охота на этихъ морскихъ великановъ производилась такимъ образомъ, что съ китобойнаго судна спускалась лодка съ двумя гребцами; одинъ изъ нихъ, держа въ рукахъ гарпунъ съ привязанной къ нему веревкой, поджидалъ появленія звѣря, чтобы бросить въ него свое оружіе. Этотъ способъ охоты, примѣняв-

Охота на кита въ прежнія времена.

шійся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, представлялъ величайшія опасности для охотника. Нерѣдко случилось, что разсвирѣпѣвшій китъ однимъ мощнымъ ударомъ хвоста подбрасывалъ на воздухъ лодку съ гребцами. Или-же смертельно раненный звѣрь бросался въ морскую глубину, увлекая за собою веревку, соединяв-

шую лодку съ гарпуномъ, а вслѣдъ за нею лодку съ находившимися въ ней матросами. Теперь китобойный промыселъ представляетъ гораздо меньше опасностей. Человѣкъ вступаетъ въ поединокъ съ царемъ морей уже не на утлой лодочкѣ съ гарпуномъ въ рукахъ, а на большихъ пароходахъ, вооруженныхъ пушками. Нарочно приставленный матросъ съ верхушки мачты высматриваетъ въ подзорную трубу появленіе кита. Завидя его, онъ даетъ сигналъ, и заряженная пушка, поставленная на передней части судна, выбрасываетъ гарпунъ, который летитъ въ звѣря съ такой-же силой и скоростью, какъ любой пушечный снарядъ.

VII.

Б у р я н а о к е а н ѣ.

На слѣдующее утро шкуна снялась съ якоря; до Кольской бухты *Рѣзвый* шелъ по знакомому уже намъ пути, но только гораздо медленнѣе. Юго-восточный вѣтеръ, помогавшій плаванію, когда *Рѣзвый* шелъ къ Арской губѣ, теперь наоборотъ мѣшалъ. Егору пришлось сложить два паруса и дѣйствовать веслами.

Южнѣе Кольской бухты, передъ путешественниками показались одинъ за другимъ сосѣдніе берега острова, изъ которыхъ самый замѣчательный Кильдинъ, какъ по величинѣ, такъ и по количеству дикихъ гусей.

— Хищная птица!—сказалъ Егоръ, когда зашла рѣчь о нихъ.—Только гусь замѣтитъ, что охотникъ либо собака его догоняетъ, онъ прикидывается мертвымъ и такъ ловко развалится на землѣ, голову свѣситъ, крылья распуститъ, что лучше обмануть никто не можетъ.

Еще южнѣе, на томъ же Мурманскомъ берегу, показался островъ Нокуевъ, получившій историческую извѣстность послѣ трагической смерти англійскаго мореплавателя Уилльби. Это случилось въ 1554 году. Три англійскихъ корабля подъ начальствомъ Уилльби отправились искать дорогу въ Индію черезъ Ледовитый океанъ, но настигшая ихъ здѣсь буря разлучила корабли и два изъ нихъ, на которыхъ находился Уилльби, были выброшены на Нокуевъ островъ. Нѣсколько недѣль спустя на этомъ же самомъ мѣстѣ случайно явились лопари съ оленями и увидѣли передъ собою потрясающую картину.

Недалеко отъ разбитыхъ льдинами кораблей, на самомъ берегу лежали замерзшія тѣла матросовъ; нѣсколько дальше, возлѣ скалы, сидѣлъ человѣкъ съ книгой въ рукахъ. Лопари подошли къ нему, но каковъ былъ ихъ ужасъ, когда они убѣдились, что, вмѣсто живого человѣка, передъ ними трупъ. Это былъ самъ начальникъ экспедиціи Уилльби, замерзшій сидя, со своимъ дневникомъ въ рукахъ, отмѣчая до послѣдней минуты все, что происходило вокругъ.

Третій корабль экспедиціи, подъ командой Ченслера, избѣгъ печальной участи первыхъ двухъ. Буря унесла его въ Бѣлое море у устья Сѣв. Двины, откуда Ченслеръ поѣхалъ черезъ Архангельскъ въ Москву представляться царю Ивану Грозному. Онъ былъ принятъ царемъ радушно, что и ободрило англичанъ завязать первыя правильныя торговыя сношенія съ Архангельскомъ.

Егоръ и Костя со вниманіемъ слушали печальный рассказъ Нахимова объ экспедиціи Уилльби. Хотя они были поморами и родились на Мурманскомъ бе-

регу, но о прошломъ своей родины такъ же мало знали, какъ и всѣ остальные поморы.

— Значить, не только съ нами одними море выкидываетъ такія штуки—замѣтилъ Егоръ, когда Нахимовъ закончилъ свой рассказъ.

Погода все время была теплая, и Нахимовъ, уже привыкшій къ морскому воздуху, чувствовалъ себя бодрѣе.

На десятый день послѣ ихъ отплытія изъ Арской бухты на спокойной до тѣхъ поръ поверхности воды начали появляться невысокія волны, быстро исчезая и оставляя за собой слѣды бѣлой пѣны. Нахимовъ не придавалъ имъ особеннаго значенія, наоборотъ онъ даже радовался этимъ маленькимъ волнамъ, вносящимъ нѣкоторое оживленіе въ однообразную жизнь океана. Совсѣмъ другого мнѣнія былъ Егоръ. Кормчій съ видимымъ безпокойствомъ подходилъ къ борту судна, слѣдилъ со вниманіемъ, съ какой стороны горизонта появлялись волны, смотрѣлъ на компасъ и опять вглядывался въ даль океана.

— Что ты смотришь, Егоръ?—спросилъ Нахимовъ, замѣтивъ озабоченное лицо кормчаго.

„Закипѣла въ морѣ пѣна,
Будетъ вѣтру перемѣна“.

Пропѣлъ тихимъ басомъ Егоръ.

— Боюсь *полуношника*,—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ.

Подъ полуношникомъ кормчій подразумѣвалъ сѣверо-восточный вѣтеръ, вызывающій бурю на океанѣ.

— Намъ нужно подальше отъ берега держаться, а то проклятый насъ выбросить. Костя! на весла и валяй шибко!

Егоръ и Костя принялись усердно грести.

— Не унывай ребята!—кричалъ Егоръ, чтобы придать больше бодрости Костѣ и себѣ.

— Твоей милости лучше въ будкѣ, а то начнется такая качка, что не дай Богъ.

Хотя качка была еще очень незначительная, но Нахимовъ началъ пронызывать такой холодъ, точно онъ находился возлѣ какого нибудь ледника, и, накинувъ на себя шубу, онъ улегся было въ будкѣ, но и тамъ долго не могъ выдержать. Прележавъ съ часъ, онъ опять вышелъ на палубу и очутился передъ грозной картиной взбушевавшагося океана.

Невеселыя предсказанія Егора сбылись. Чѣмъ дальше *Ръзвый* отдалялся отъ берега, тѣмъ чувствительнѣе дѣлались порывы сѣверо-восточнаго вѣтра.

Небо заволокло черными тучами, скоро надъ самой поверхностью океана спустился густой непроницаемый туманъ, закрывшій отъ глазъ путешественниковъ солнце и берега. Съ каждой минутой дѣлалось темнѣе, пока *Ръзвый* не очутился среди настоящей *волчьей ночи*, въ которой хорошо были видны громадныя, вышиной съ домъ, волны, стремительно надвигавшіяся со всѣхъ сторонъ на шкуну. Бѣдное судно металось среди нихъ, какъ щепка. Онѣ заливали палубу и ея обитателей, опрокинули бочку съ саломъ и поднимались высоко, высоко, въ уровень самыхъ мачтъ.

— Экъ лѣшія плескаются — началъ было со смѣхомъ Егоръ, стоявшій у руля, но когда увидѣлъ, какъ отъ удара волны въ мачту шкуна сильно накренилась, онъ перемѣнилъ сразу тонъ и сердито крикнулъ:

— Костя, снимай мачты!

Молодой морякъ взялся быстро за дѣло, но его замерзшія руки никакъ не могли вынуть желѣзной за-

движки, державшей мачту въ вертикальномъ положеніи.

— Костя, живо я тебѣ говорю!—Но всѣ старанія Кости, оставались тщетными.

— Костя,—раздался уже свирѣпый голосъ кормчаго.—Носъ и уши обрублю тебѣ. Вѣрь ты моему неслестному слову, окаянная неумытая душа.

Однако Егоръ сообразилъ, что гораздо умнѣе пойти на помощь Костѣ, чѣмъ кричать на него дикимъ голосомъ.

Общими усиліями были вынуты задвижки, и мачты одна за другой спустились на палубу. Въ этомъ видѣ, безъ мачтъ, шкуна похожа была на жалкій обгорѣлый домъ, подбрасываемый волнами.

— Думалъ ли я напоротъ на такую мерзость!—говорилъ Егоръ, обращаясь къ Нахимову.

А тотъ въ это время сидѣлъ на крышкѣ трюма, придерживаясь за полотно опущенной мачты, съ папирсой, стараясь разогнать страхъ, который наводила на него буря. „Я здѣсь не одинокъ, какъ въ лапландской тундрѣ“ думалъ про себя Нахимовъ. Подобно солдату, бросающемуся въ бой, зная, что онъ не одинъ, что съ нимъ идутъ и другіе, которыхъ пули тоже не пожалѣютъ, Нахимовъ былъ готовъ раздѣлить участь обоихъ поморовъ. Однако, когда на шкуну надвигалась какая-нибудь громадная волна, подобно движущейся горѣ, онъ вздрагивалъ отъ ужаса, невольно ища глазами Егора, какъ бы прося его помощи.

Кормчій стоялъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ на своемъ посту, возлѣ руля, отдавая приказанія Костѣ.

— Въ трюмъ его!—крикнулъ онъ, увидѣвъ, какъ *Акула* покатила на накренившуюся отъ удара волны палубу.

Не успѣлъ Костя спустить собаку въ трюмъ, какъ новая волна съ еще большей силой бросилась на судно и облила холодной струей Нахимова.

— Не беспокойся, она и тебя не помилуетъ, вашей милости тоже лучше въ трюмъ, а то чего добраго, упадете въ воду.

Самъ Нахимовъ чувствовалъ, что съ нимъ опять начинается морская болѣзнь, и рѣшилъ пойти въ трюмъ, гдѣ была меньшая качка, чѣмъ въ каютѣ. Кое какъ спустился онъ туда и устроился между корзинами съ провизіей и своимъ чемоданомъ.

Сколько времени тамъ пролежалъ Нахимовъ, неизвѣстно. Безпрестанная качка вызвала у него сильный приступъ морской болѣзни, послѣ котораго онъ чувствовалъ большое изнеможеніе и заснулъ. Онъ помнилъ только одно: когда Костя пришелъ его разбудить, изъ отверстія трюма падалъ чистый бѣлый свѣтъ, изъ чего онъ заключилъ, что погода опять переимѣнилась къ лучшему. Съ помощью Кости онъ поднялся на палубу. Мачты были подняты, паруса распущены, *Акулка* весело махала хвостомъ и только по осунувшимся лицамъ обоихъ моряковъ да по безчисленному количеству раковинъ и морской капусты, покрывавшихъ палубу судна, онъ могъ представить себѣ тяжелую борьбу, которую пришлось вынести *Ръзвому*. Буря продолжалась цѣлыя сутки, и своему спасенію Нахимовъ обязанъ былъ выдержанности и спокойствію обоихъ поморовъ.

— Теперь выпьемъ за благополучное спасеніе,— сказалъ смѣясь Егоръ.

На этотъ разъ Нахимовъ не проронилъ ни одного слова храброму помору въ упрекъ за его слабость къ крѣпкимъ напиткамъ.

VIII.

Поморы.

Тяжела и неприглядна жизнь сѣверныхъ русскихъ поморовъ.

Это утверждаютъ всѣ путешественники по нашему крайнему Сѣверу, въ этомъ долженъ былъ убѣдиться и Нахимовъ, ознакомившійся ближе съ бытомъ поморовъ.

Поморами, какъ извѣстно, называется та часть жителей Архангельской губерніи, которые занимаются рыбнымъ промысломъ.

Среди нихъ встрѣчаются и лопари, и корелы—эти послѣдніе остатки господствовавшаго нѣкогда на сѣверѣ чудскаго племени; но большинство поморовъ составляютъ все таки великоруссы, поселившіеся еще въ XII и XIII столѣтіи въ Архангельской губерніи.

Поморы живутъ обыкновенно въ городахъ и деревняхъ: въ Архангельскѣ, Мезени, Кемі, Онегѣ, Канда-лакшѣ, Колѣ, но лишь только наступитъ время для ловли рыбъ, какъ они отправляются на мурманскій берегъ къ своимъ избамъ, охраняемымъ зимою лопарями.

Прежде всего трогаются *весновальщики*, какъ называются промышленники, занимающіеся охотой на тюленей. Извѣстно, что тюлени, какъ только почуютъ приближеніе весны—оставляютъ Мурманъ для болѣе холодныхъ береговъ Новой Земли. Оттуда они опять возвращаются обратно на Мурманскій берегъ зимою. Поэтому въ январѣ и февралѣ, когда на сѣверѣ еще стоитъ долгая зимняя ночь, когда ледъ еще сковываетъ рѣки, озера и берега океана, весновальщики спѣшатъ захватить тюленей на льдинахъ.

За ними въ началѣ марта выступают *меженники*, занимающіеся ловлей семги въ устьяхъ лапландскихъ рѣкъ и трески и сельдей по берегамъ Мурмана—промысль, который совпадаетъ съ лѣтнимъ *меженнымъ* временемъ.

Промышленники идутъ обыкновенно пѣшкомъ цѣлыми артелями черезъ холодный, безпріютный лапландскій полуостровъ, съ кормщиками во главѣ, знающими хорошо дорогу, которую они отыскиваютъ по *иурьямъ*, какъ называются небольшія столбообразныя скалы, разставленныя для примѣты мѣстъ.

Путешествіе продолжается цѣлыми недѣлями по покрытымъ льдомъ и снѣгомъ тундрамъ, гдѣ не разъ поморовъ захватываютъ выюги и метели. Хорошо еще, если они находятся по близости гостепріимныхъ лопарскихъ погостовъ, въ противномъ случаѣ тяжелыя испытанія выпадаютъ на долю поморовъ. Эту безпомощность предъ властной сѣверной природой сознаетъ и самъ поморъ, какъ видно изъ проникнутой грустнымъ чувствомъ народной поэзіи сѣвера.

Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Изголовьице—зло кореньице,
Одѣялышко—вѣтры буйные,
Покрывалышко—снѣги бѣлые,
Обмываньице—частый дождичекъ,
Утираньице—шелкова трава,
Родной батюшка нашъ—свѣтелъ мѣсяцъ,
Красно солнышко—родна матушка,
Заря бѣлая—молода жена.

Въ началѣ апрѣля никого ужъ изъ поморовъ нѣтъ дома. Всѣ они находятся въ дорогѣ по направленію къ Мурману.

Но что ждетъ ихъ? Вернутся-ли они оттуда? Да,

вернутся, но не всѣ, многимъ изъ нихъ суждено погибнуть. Тутъ умеръ поморъ отъ холода, тамъ онъ сдѣлался жертвой хищнаго звѣря, въ третьемъ мѣстѣ льдина унесла съ берега цѣлую артель промышленниковъ въ ту дальнюю страну, гдѣ обитаетъ „сѣдой духъ“ и откуда нѣтъ возврата. А цынга? а тифъ? а всякія другія болѣзни, сколько человѣческихъ жизней поглощаютъ онѣ!..

Но есть бичъ еще болѣе страшный, чѣмъ сама смерть, этотъ бичъ называется *нужда*. Она вызываетъ людей къ дѣятельности, она понуждаетъ ихъ къ постоянной борьбѣ съ суровыми силами природы, она же гонитъ жителей бѣдныхъ и бесплодныхъ странъ сѣвера къ берегамъ океана, гдѣ цѣною непосильныхъ жертвъ они добываютъ себѣ средства къ существованію. Повинуясь этому повелительному голосу, поморъ забываетъ объ опасностяхъ и смѣло бросается къ тѣмъ становищамъ Мурмана, гдѣ въ лѣтнюю пору кипитъ жизнь и дѣятельность.

Въ такомъ состояніи именно и засталъ Нахимовъ становище Токамку, расположенное у устья рѣки того же имени.

Ръзвый прибылъ сюда дня черезъ два послѣ счастливо перенесенной имъ бури.

На берегу, недалеко отъ шкуны, играли мальчики рыболовы, или *зуйки*, какъ ихъ еще называютъ, потому что они своей подвижностью и постояннымъ смѣхомъ напоминаютъ вертлявую и пискливую птицу того же имени, принадлежащую къ породѣ чаекъ.

Зуйки бросались въ воду и съ визгомъ выбѣгали, какъ только поднималась волна.

— Бери же, бери же, если можешь,—кричали они, передразнивая прибой волны.

Поморы, уносимые на льдинѣ.

(Изъ „Живописной Россіи“).

— Плетью бы васъ дураковъ, чтобы порядокъ знали,— кричалъ Егоръ, замѣтивъ шалость рыболововъ мальчиковъ.

— А ты то, неумытое рыло, тебѣ что за дѣло?

— Я вамъ покажу,—кричалъ Егоръ *зуйкамъ*, дѣлая видъ, что хочетъ бѣжать за ними, но они, заливаясь громкимъ смѣхомъ, неслись во всю мочь вдоль берега.

Первымъ дѣломъ Нахимова было познакомиться съ артельнымъ старостой, и онъ отправился вмѣстѣ съ Егоромъ въ становище. Какъ только они отошли на нѣсколько десятковъ сажень отъ берега, его обдалъ зловонный запахъ, источникъ котораго онъ скоро понялъ. Недалеко отъ избъ поморовъ было сдѣлано множество деревянныхъ вѣшалокъ, на которыхъ сушилось несмѣтное количество трески съ оторванными головами, сваленныхъ тутъ же по близости въ большія кучи; немного дальше видны были костры съ сушеной рыбой и дымились очаги съ котлами, въ которыхъ топили жиръ.

Нахимовъ нашелъ старосту въ маленькой, низенькой избѣ, полной чадомъ. Своимъ видомъ и манерой говорить староста живо напомнилъ Нахимову гребца Андрея.

— Море — наше поле, дастъ Богъ рыбу, дастъ и хлѣбъ,—говорилъ староста, когда Нахимовъ выразилъ свое сочувствіе поморамъ въ ихъ тяжелой жизни. Когда онъ спросилъ, какъ идетъ ловля, староста опять отвѣтилъ пословицей:

— Богъ дастъ и въ окошко подать.

Нахимовъ надѣялся добиться болѣе толковыхъ отвѣтовъ отъ другихъ поморовъ. Онъ не ошибся: одинъ изъ нихъ предложилъ ему даже присутствовать при выниманіи *яруса* изъ воды, на что Нахимовъ охотно согласился.

Ярусомъ называется толстый и длинный канатъ, съ привязанными къ нему перпендикулярно веревками съ желѣзными крючками, на которые нацѣпляютъ мелкую рыбу мойву, для приманки трески. Ярусъ опускается въ глубину океана во время прилива, и вытаскивается на поверхность, когда вода убываетъ. Теперь наступило какъ разъ это время. Нахимовъ направился съ промышленниками на берегъ, гдѣ они сѣли въ небольшую лодку. Доплывъ до сдѣланной на поверхности воды примѣты—большого плавающего бревна, куда былъ привязанъ одинъ конецъ яруса, поморы начали вытаскивать крючки. Въ лодку вывалились трески, съ серебристой чешуей, которыя изо всѣхъ силъ старались освободиться отъ крючковъ, ударяясь о бортъ лодки. Но тутъ ихъ поджидалъ поморъ съ деревяннымъ молоткомъ. Однимъ ловкимъ ударомъ по головѣ рыбы онъ убивалъ ее на смерть. Ловъ былъ удачный.

Треска одна изъ плодовитыхъ рыбъ. Если бы акулы не пожирали ее въ громадномъ количествѣ, она заполонила бы весь океанъ, такъ какъ икринка одной только рыбы содержитъ 9 миллионовъ яицъ. Она обыкновенно живетъ въ глубинѣ океана, а въ іюнѣ и въ іюлѣ является большими стадами метать икру у береговъ Мурманъ, въ защищенныя отъ акулъ мѣста. Но тамъ ее ждетъ другой врагъ—поморъ.

Покончивъ со снятіемъ яруса, поморы обратно отправились по отмели, гдѣ летѣло несмѣтное количество всякой птицы, ищущей раковинъ и мелкихъ рыбъ.

Промышленники со всѣхъ концовъ бухты возвращались въ гудѣвшее, какъ пчелинный улей, становище. Изба, въ которую попалъ Нахимовъ, была уже полна поморами, но здѣсь воздухъ былъ еще болѣе тяжелый, чѣмъ въ избѣ старосты. Запахъ жира, смазныхъ са-

погъ, мокраго платья и десятка вспотѣвшихъ людей убивалъ у Нахимова всякое желаніе принять участіе въ общей трапезѣ. Да и обѣдъ былъ непривлекательный. Онъ состоялъ изъ сваренной вмѣстѣ съ чешуей рыбы и приготовленнаго изъ такой же рыбы пирога. Нахимовъ смотрѣлъ съ большимъ удивленіемъ на жизнерадостныхъ, бодрыхъ и разговорчивыхъ поморовъ. Среди нихъ, какъ и въ другихъ избахъ, былъ свой шутникъ, слова котораго заставляли всю компанію заливаться громкимъ смѣхомъ.

Скоро появилась бутылка рома, раздались веселые звуки гармоніи, начались пѣсни, и поморы еще больше развеселились.

Очевидно, что чѣмъ труднѣе жизнь помора, тѣмъ больше онъ старается во всякихъ развлеченіяхъ забыть трудный день и запасть свѣжими силами.

— У васъ весело,—сказалъ Нахимовъ,—обращаясь къ своему сосѣду, молодому и здоровому помору.

— Тутъ каша сладка, да на морѣ мачта прядка,—отвѣтилъ онъ, подмигивая однимъ глазомъ, какъ дѣлалъ Егоръ на шкунѣ.

Нахимовъ приступилъ къ главной цѣли своего пріѣзда. Онъ надѣялся найти здѣсь какую-нибудь артель, готовящуюся отправиться на тюленій или моржевой промыселъ въ Новую Землю и поѣхать вмѣстѣ съ ней.

— Да вотъ Прокопъ Никитичъ все собирается со своими рядовыми и зуйками,—замѣтилъ кто-то.

Однако, когда Нахимовъ заговорилъ съ Прокопомъ, тотъ запросилъ большую плату за провозъ и не хотѣлъ уступить.

— Упрямя, какъ корель,—сказалъ тотъ поморъ, который первый упомянулъ имя Прокопа.

— Зажги корела, онъ и въ три года не сгоритъ; проси Прокопа, онъ три года будетъ держаться на своемъ,—прибавилъ тотъ же поморъ.

Къ счастью для Нахимова, въ тотъ же вечеръ въ іокамскую бухту пришелъ изъ Архангельска трехъ-мачтовый парусный корабль *Смѣлый* съ промышленниками, ѣхавшими прямо на Новую Землю. Они согласились взять съ собой Нахимова даже безъ всякой платы.

Распростившись съ поморами и съ Егоровъ, Нахимовъ отправился ночевать на пароходъ. Пока онъ шелъ по берегу, до него еще доносились обрывки пѣсенъ и звуки гармоніи.

IX.

Ледовитый океанъ.

Смѣлый былъ приспособленъ къ плаванію въ полярныхъ моря. Киль, обшитый толстой желѣзной броней, отличался своей овальной формой, которая представляетъ меньше площади для напора льдинъ.

На носу находилась небольшая пушка для подачи сигналовъ во время тумана. Провизія, состоящая изъ разнаго рода консервовъ, сухарей и пресованнаго молока, была спрятана, въ хорошо закупоренныхъ ящикахъ, въ трюмѣ, гдѣ лежали и бочки съ прѣсной водой и всякаго рода орудія, и снасти, необходимыя при охотѣ на лысуновъ и моржей. На палубѣ, на особенныхъ подставкахъ, стояли обѣ лодки *Смѣлаго*, приспособленныя такъ, чтобы въ случаѣ надобности онѣ могли служить и какъ сани. Для этой цѣли къ килю лодки была прибита пара деревянныхъ полозьевъ.

Экипажъ состоялъ изъ шести матросовъ, повара и

капитана, Николая Петровича Тютрюмова, который былъ въ то же время и хозяиномъ судна. Ему предназначалась большая просторная каюта по близости руля, въ которой устроился и Нахимовъ. Кромѣ того на кораблѣ находились еще пять разношерстныхъ самоѣдскихъ собакъ для перевозки саней.

25 іюня *Смѣлый*, запасшись свѣжей водой въ рѣкѣ Іокамкѣ, отправился въ путь. Онъ вышелъ медленнымъ ходомъ изъ іокамской бухты и очутился на волнующейся поверхности, безпрестанно бушующей въ этомъ мѣстѣ возлѣ Святого Носа.

Св. Носъ, какъ мы упомянули и раньше, составляетъ географическую границу между Ледовитымъ океаномъ и Бѣлымъ моремъ. Это отвѣсный скалистый мысъ, около 30 верстъ длины, имѣющій форму крючка, прикрѣпленнаго у основанія на Мурманскомъ берегу.

Какъ разъ противъ Св. Носа, на востокъ по прямой линіи находится другой точно такой же скалистый мысъ, а именно, Канинъ Носъ.

Оба эти мыса образуютъ между собой сравнительно узкій каналъ, который называется горломъ Бѣлаго моря. Когда во время прилива большая волна съ океана, въ три сажени высоты, нахлынетъ въ Бѣлое море, то здѣсь въ горлѣ, вслѣдствіе его узкости, образуется сильное теченіе. То же самое происходитъ во время отлива, съ тою только разницей, что тогда теченіе идетъ въ противоположную сторону.

Въ такое время горло Бѣлаго моря похоже на исполинскую, бушующую, порожистую рѣку, покрытую пѣнистыми волнами. Эти опасныя *сувои* и *толчеи*, какъ ихъ называютъ поморы, не разъ разбивали во время бурь и поглощали въ своихъ страшныхъ водоворотахъ шкуны и даже большія суда со всѣмъ ихъ экипажемъ.

Моряки обыкновенно ждутъ времени прилива, если они плывутъ на югъ къ берегамъ Бѣлаго моря, или отлива, когда направляются къ сѣверу. Это называется *ѣхать съ водой*.

Какъ разъ въ моментъ отлива *Смѣлый* очутился у Святого Носа. Возвращавшаяся изъ Бѣлаго моря волна унесла его быстро въ открытый океанъ.

— Ну, дай Богъ счастливаго пути!—сказалъ Тютрюмовъ, обращаясь къ Нахимову, стоявшему на капитанскомъ мостикѣ. Барометръ показываетъ постоянную погоду и вѣтеръ попутный! Иванъ, Андрей, распускайте остальные паруса и оба клевера,—прибавилъ капитанъ, обращаясь къ двумъ матросамъ.

„Смѣлый“ съ утроенной силой помчался по широкому раздолью океана. Чѣмъ больше путешественники отдалялись отъ того мѣста, гдѣ были сувои, тѣмъ больше затихала поверхность воды.

— Не хотите-ли посмотрѣть на окрестности?—сказалъ Тютрюмовъ, подавая своему спутнику подозрную трубу.

Нахимовъ взялъ трубу, но, не увидѣвъ ничего кромѣ однообразной поверхности океана и знакомыхъ ему уже скалистыхъ береговъ, вернулъ ее обратно.

— Какъ, развѣ вы ничего не замѣтили?

— Ничего,—отвѣтилъ Нахимовъ, посмотрѣвъ вприсильно на капитана.

— Тогда возьмите опять и смотрите вонъ туда, на востокъ, на горизонтъ.

Нахимовъ посмотрѣлъ снова съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Не видите-ли тамъ бѣлыхъ хребтовъ?—сказалъ опять Тютрюмовъ, показывая пальцемъ все въ ту же сторону.

На этотъ разъ Нахимовъ замѣтилъ, какъ подъ са-

мымъ горизонтомъ показывались и быстро исчезали небольшія волны съ бѣлыми пѣнистыми гребнями. „Опять буря“—подумалъ онъ, но капитанъ его успокоилъ.

— Это цѣлое стадо *бѣлухъ*, какъ называютъ наши поморы бѣлыхъ дельфиновъ Ледовитаго океана. Къ сожалѣнію, мы ихъ не увидимъ, такъ какъ бѣлухи необыкновенно пугливы и обладаютъ тонкимъ слухомъ. Какъ только до нихъ дойдетъ шумъ идущаго корабля, онѣ мгновенно исчезаютъ въ глубинѣ океана.

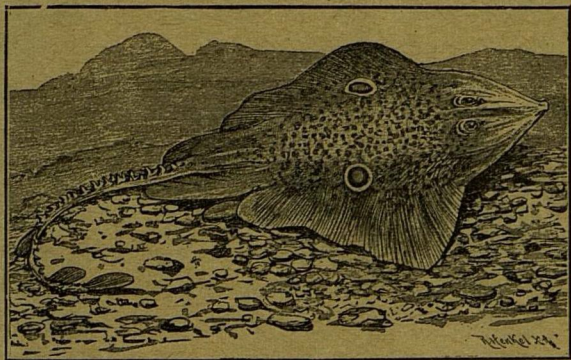
— Какъ-же ихъ ловятъ поморы?—спросилъ Нахимовъ, который зналъ о существованіи бѣлужьяго промысла.

— Они ждутъ, чтобы бѣлухи случайно зашли въ какую-нибудь бухту, куда онѣ слѣдуютъ за мойвой. Нѣсколько поморовъ плывутъ въ лодкѣ за стадомъ и бросаютъ неводъ такъ, чтобы закрыть выходъ бѣлухамъ. Послѣ этого они входятъ въ бухту, и бьютъ бѣлухъ желѣзными острогами, такъ называемыми кутилами. Однако и тогда ловля рѣдко кончается удачно: на сто бѣлухъ, семьдесятъ, обыкновенно, убѣгаютъ раньше, чѣмъ поморы успѣютъ бросить неводъ. Но иногда случается, что большая льдина загоняетъ стадо бѣлухъ въ бухту и замыкаетъ ея устье, какъ пробкой, тогда имъ нѣтъ выхода и ихъ легко убиваютъ.

Капитанъ Тютрюмовъ разсказалъ, что ему случалось нѣсколько разъ видѣть во время сильнаго вѣтра, который шумомъ своимъ мѣшалъ бѣлухамъ слышать приближеніе судна, замѣчательную картину изъ жизни океана.

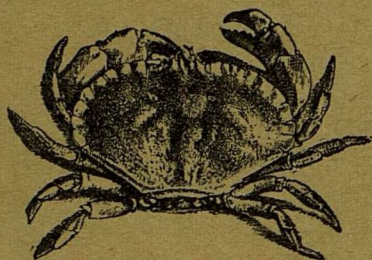
Въ какомъ-нибудь мѣстѣ близъ поверхности воды появляется несмѣтное количество мойвы, за ними, преслѣдуя ихъ, плывутъ тысячи бѣлухъ, которыя своими огромными туловищами напоминаютъ плывущихъ

быковъ. Нерѣдко тутъ же появляются и треска, и акулы, и киты, и въ океанѣ завязывается безмолвная, но

С к а т ъ.

кровавая битва, главными жертвами которой дѣлаются слабыя мойвы и треска.

К р а б ъ.

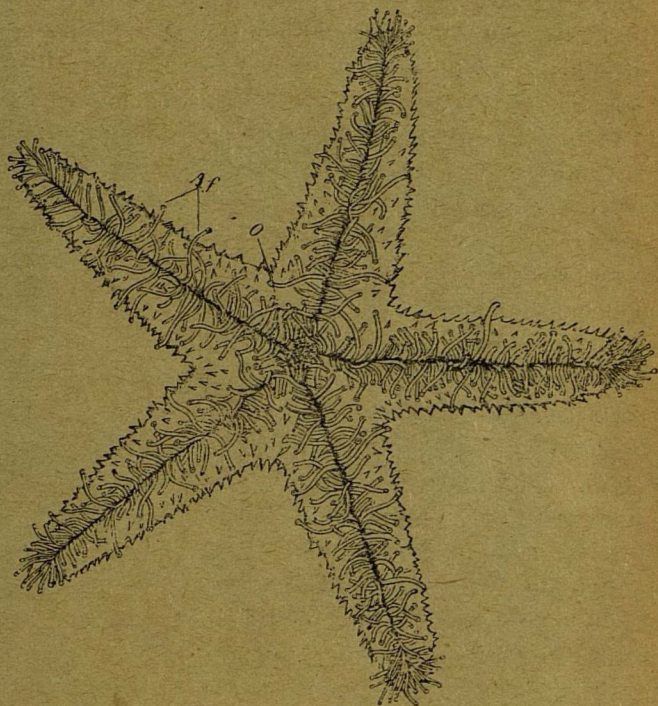
Нахимовъ, который очень интересовался жизнью океана, въ скоромъ времени собралъ цѣлую коллекцію морскихъ животныхъ. Самыхъ замѣчательныхъ,

онъ сохранялъ въ стеклянныхъ банкахъ изъ подѣ консервовъ. Къ его счастью на кораблѣ оказалось большое количество древеснаго спирта, предназначеннаго для освѣщенія и отопленія, такъ что онъ могъ составить свою коллекцію по всѣмъ требованіямъ науки. Среди пойманной рыбы попадались и самыя обыкновенныя, какъ треска, пальтусы, которыя сейчасъ же предоставлялись въ распоряженіе повара. Особенно интересны были плоскіе, какъ блины, морскіе скаты, колючіе бычки и безобразныя камбалы, замѣчательныя тѣмъ, что ихъ глаза находятся на одномъ боку. На удочки попадало множество крабовъ, морскихъ звѣздъ, морскихъ розъ или актиній и раковъ-отшельниковъ. Каждая изъ этихъ морскихъ рыбъ отличалась какою-нибудь особенностью, что заставляло присоединить ее къ коллекціи.

Ракъ-отшельникъ походитъ на нашего обыкновеннаго рака, съ той только разницей, что онъ живетъ въ особой скорлупѣ. Во время плаванія онъ тащитъ скорлупу своимъ мягкимъ хвостомъ, но лишь только покажется какой-нибудь врагъ, какъ животное спѣшитъ скрыться въ свою раковину, закрывая отверстіе скорлупы одной изъ своихъ клешней.

Ракъ-отшельникъ поражалъ Нахимова не только своимъ необыкновеннымъ устройствомъ, но и своей изобрѣтательностью. Онъ замѣтилъ, что на многихъ изъ пойманныхъ раковъ были прилѣплены морскія розы, т. е. актиніи. Причины этого явленія не трудно было понять, и онѣ говорили въ пользу обоихъ морскихъ обитателей. Актинія очень простое морское животное, состоящее изъ одной трубочки, отверстіе которой окружено вѣнкомъ щупальць розоваго цвѣта. Этими щупальцами актинія привлекаетъ къ себѣ ма-

ленькихъ животныхъ, которыя, проходя черезъ трубочку, отчасти поглощаются, отчасти выбрасываются черезъ другое отверстіе. Какъ разъ къ этому отверстію прилѣпляется ракъ. Но услуга за услугу: если акти-

Морская звѣзда.

нія кормить рака, онъ съ своей стороны, переноситъ актинію съ одного мѣста на другое. Такого рода сожителства встрѣчаются нерѣдко въ животномъ царствѣ и называются *симбіозъ*.

Не менѣе замѣчательными свойствами отличаются

морскія звѣзды и крабы. Когда Нахимовъ прижималъ которую-нибудь изъ десяти ножекъ живого краба, тотъ быстро откидывался, оставляя ее въ рукахъ Нахимова. Также поступаетъ крабъ въ водѣ, когда его ножка падаетъ въ зубы хищной рыбы. При этомъ раненое мѣсто краба сейчасъ же покрывается известковыми отложеніями, мѣшающими истеченію крови. Такимъ свойствомъ—самопроизвольно отдѣлять свои члены—извѣстнымъ въ наукѣ подъ именемъ *автотоміи*, отличаются такъ же и морскія звѣзды. У нихъ при этомъ каждый отдѣлившійся лучъ превращается въ новую звѣзду.

Тутъ же, на океанѣ, Нахимовъ познакомился и съ флюоресценціей, т. е. съ свѣтоиспусканіемъ медузъ,—этихъ маленькихъ, напоминающихъ своею формою стеклянный колпакъ, животныхъ. Поморы называютъ ихъ *морскимъ масломъ* за ихъ слизистыя прозрачныя тѣла. Когда какой-нибудь, выброшенный съ палубы судна, предметъ соприкасается съ плавающими по поверхности медузами, онѣ начинаютъ свѣтиться. Иногда Нахимовъ бралъ корабельный шестъ и какъ бы разгребалъ имъ медузъ, послѣ чего на поверхности воды появлялся довольно большой блестящій кругъ, который дрожалъ минуты полторы, прежде чѣмъ исчезнуть. Капитанъ Тютрюмовъ указалъ на то, что флюоресценція медузъ представляетъ особенно красивое зрѣлище въ осеннюю пору, въ полумракѣ, теперь же, въ началѣ іюля, полуденное солнце затемняло слабый блескъ медузъ.

Вода океана въ ясные дни отличалась необыкновенной прозрачностью. Нахимовъ измѣрялъ эту прозрачность, опуская въ воду привязанную на длинной веревкѣ небольшую эмалированную тарелку, и слѣ-

диль, пока она не переставала быть видной, что происходило не ближе, какъ на 100 саженной глубинѣ. Благодаря этой прозрачности воды, картина внутренней жизни океана выступала передъ глазами Нахимова во всей своей красотѣ. Онъ удивлялся множеству растеній и животныхъ, которыми такъ богаты глубины оке-

Ракъ-отшельникъ.

ана въ противоположность его бѣднымъ берегамъ. Чтобы достать растенія, среди которыхъ преобладала морская капуста, отличающаяся своими ремнеобразными листьями, Нахимовъ прибѣгалъ къ помощи лота, которымъ измѣрялъ глубину воды. Въ этихъ мѣстахъ на полъ пути отъ Мурмана къ Новой землѣ, Ледовитый океанъ не отличается большой глубиной. Лоть не опу-

скался ниже 250 сажень. По словамъ капитана самая глубокія мѣста находились гораздо сѣвернѣе—по близости Шпицбергена, гдѣ лотъ показываетъ иногда до 2200 сажень!

— Не замѣчаете ли вы здѣсь особеннаго цвѣта воды? спросилъ Тютрюмовъ на пятнадцатый день путешествія.

Дѣйствительно, вмѣсто свѣтло зеленаго цвѣта, которымъ отличались до сихъ поръ воды океана, здѣсь онѣ сдѣлались свѣтло-синими.

— Мы находимся въ одной изъ четырехъ вѣтвей Гольфштрема,—пояснилъ капитанъ.

— Понимаю,—отвѣтилъ Нахимовъ;—разница въ цвѣтѣ происходитъ вслѣдствіе различной плотности воды.

Однако, читателямъ можетъ быть неизвѣстно, откуда происходитъ эта разница, и поэтому мы ее объяснимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

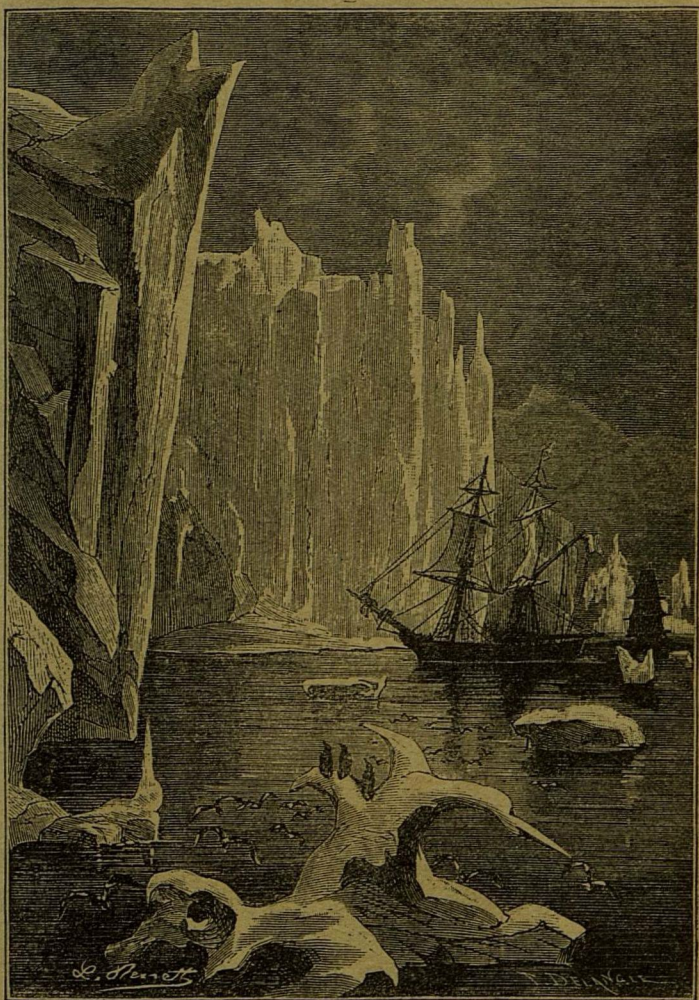
Вода Ледовитаго океана, вслѣдствіе часто падающихъ дождей, болѣе прѣсна, чѣмъ воды Атлантическаго, которыя несутся Гольфштремомъ. Насыщенная солью вода имѣетъ обыкновенно голубой или темно-синій цвѣтъ, тогда какъ менѣе насыщенная—свѣтло-зеленый.

Какъ только Нахимовъ узналъ, что они находятся въ Гольфштремѣ, онъ принялся за измѣреніе температуры воды. Термометръ показалъ 7° Цельсія, тогда какъ раньше онъ не подымался выше 1° Ц.

— Видите,—какая разница,—замѣтилъ Тютрюмовъ.—Даже зимой температура Гольфштрема не спускается до нуля. Она держится постоянно отъ 2° 5 до 3° надъ точкой замерзанія. Вы можете себѣ представить, сколько тепла и жизни вносить это теченіе въ нашъ холодный сѣверъ.

Смѣлый наталкивался на льдины на протяженіи всей

своей дороги, но въ особенности много онъ ихъ встрѣтилъ, когда вступилъ въ теченіе Гольфштрема.

Ледяныя горы.

Кромѣ многочисленности, льдины тутъ отличались своими громадными размѣрами. Онѣ были самыхъ разнообразныхъ формъ, но чаще всего встрѣчались высокія, отвѣсныя, какъ стѣна, горы—отломы ледниковъ.

Такъ какъ погода стояла тихая, то плаваніе среди льдовъ не представляло большой опасности. Только отъ времени до времени *Смѣлый* какъ бы вздрагивалъ отъ ударовъ о ледяныя горы. Сотрясеніе передавалось по палубѣ и самимъ путешественникамъ и въ первые моменты Нахимовымъ овладѣвало чувство страха: ему казалось, что ледяной горѣ ничего не стоитъ опрокинуть ничтожный въ сравненіи съ ней корабль. Но когда онъ увидѣлъ, что корабль раздвигаетъ льдины, онъ даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ ожидалъ повторенія этой борьбы между *Смѣлымъ* и льдинами.

— Здѣсь не опасно,—промолвилъ капитанъ,—потому-что между льдинами есть большія пространства, гдѣ мы можемъ двигаться; что то будетъ дальше?

Но онъ не успѣлъ еще кончить своей фразы, какъ вниманіе его было обращено въ другую сторону.

— Видите-ли тамъ большое свѣтлое пятно?—спросилъ Тютрюмовъ, показывая пальцемъ на горизонтъ по направленію къ востоку.

— Это отблески ледяного поля.

Три часа послѣ этого, пробираясь между свѣтлыми льдинами, залитыми лучами солнца, *Смѣлый* очутился среди густой какъ клейстеръ массы, состоящей изъ размокшаго снѣга. Дальше ледяная масса дѣлалась гуще и гуще; *Смѣлый* двигался впередъ все съ большимъ и большимъ трудомъ, пока, наконецъ, совсѣмъ не замедлилъ ходъ.

Насколько позволялъ сильный снѣгъ, залѣпывшій

глаза, Нахимовъ разсмотрѣлъ передъ собою обширное пространство, покрытое бѣлой пеленой на которомъ виднѣлись тамъ и сямъ волнистые бугорки.

— Вотъ ледяное поле,—сказалъ капитанъ.— Оно образуется посреди океана въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ падаетъ снѣгъ. Вода замерзаетъ толстымъ слоемъ, черезъ который могутъ пробраться только ледоколы или большіе корабли. Намъ же ничего другого не остается, какъ стараться обойти это мѣсто съ сѣверной стороны.—Сказавъ это, онъ повернулъ руль направо, и судно начало двигаться мимо ледяного поля, направляясь къ сѣверу.

Холодъ и снѣгъ, который все усиливался, несмотря на то, что былъ іюль мѣсяцъ, заставили Нахимова войти въ каюту.

Когда черезъ часъ онъ опять вышелъ на палубу, всю покрытую снѣгомъ, его поразило озабоченное выраженіе лица капитана.

— Нѣтъ никакой возможности итти дальше: мы скованы ледянымъ кольцомъ,—сказалъ Тютрюмовъ спокойно, но мрачно.

— Какъ же намъ быть?

— Теперь всего половина іюля и передъ нами еще цѣлый лѣтній мѣсяцъ, такъ что ледъ можетъ еще растаять, и мы опять выйдемъ въ свободный океанъ.

Эти слова капитана нѣсколько разсѣяли охватившее Нахимова безпокойство.

Х.

Среди льдинъ.

Надежды капитана оправдались. Не больше четырехъ дней послѣ того, какъ они попали въ ледяное

поле, *Смѣлый* очутился въ свободномъ океанѣ. Но здѣсь его ожидала другая опасность. Вслѣдствіе быстро испаренія воды погода въ Ледовитомъ океанѣ, въ особенности по близости отъ полюсовъ, отличается необыкновенною переменчивостью. Буря, дождь, снѣгъ появляются такъ же внезапно, какъ и внезапно исчезаютъ. Не успѣлъ еще экипажъ *Смѣлаго* нарадоваться на установившуюся снова солнечную погоду, какъ небо покрылось тучами и поднялся сильный вѣтеръ — предвѣстникъ настоящей бури.

— Насталъ часъ испытанія,—сказалъ капитанъ, который собралъ всю свою энергію, чтобы бороться съ новой опасностью. По его приказанію матросы сложили паруса, сняли мачты и уложили въ трюмъ все, что могло покатиться съ палубы. Затѣмъ онъ приказалъ еще приготовить лодки, такъ чтобы ихъ можно было спустить въ воду при первой надобности. Нахимовъ приготовилъ спасательный поясъ и ждалъ, что будетъ дальше.

Меньше чѣмъ черезъ четверть часа, послѣ того какъ появился вѣтеръ, разразилась и буря—болѣе мрачная и страшная, чѣмъ та, которую уже испыталъ Нахимовъ по дорогѣ къ Іокамкѣ. Теперь онъ не столько боялся волнъ, сколько ледяныхъ горъ, крутившихся подъ напоромъ порывистаго вѣтра съ головокружительной быстротой. Громадныя волны бросались со страшной силой на высокія, до ста и больше саженъ, льдины и погружали ихъ въ глубину моря, откуда онѣ опять выскакивали, унося на своей плоской поверхности массу воды, которая водопадами обратно летѣла въ океанъ. Ревъ плещущихся волнъ, свистъ бушующаго урагана и грохотъ ломающихся ледяныхъ горъ смѣшивались въ какой-то страшный шумъ, наводившій

ужась на все живое. Въ такое время всѣ обитатели океана спѣшати къ его спокойнымъ и безмолвнымъ глубинамъ. Но куда можно было укрыться *Смѣлому*? Со всѣхъ сторонъ надъ нимъ ежеминутно висѣла смерть. Большія волны подбрасывали злополучное судно, какъ орѣховую скорлупу, а тутъ ему на встрѣчу появлялись грозныя льдины.

Къ счастью, эта борьба съ разсвирѣпѣвшей стихіей продолжалась всего нѣсколько часовъ, но они показали Нахимову цѣлою вѣчностью. Не разъ онъ видѣлъ, какъ на нихъ надвигались со страшной силой ледяныя горы; казалось еще одинъ ударъ, и всему конецъ. Но *Смѣлый*, благодаря овальной формѣ своего киля, подпрыгивалъ какъ мячикъ и оставался цѣлъ и невредимъ. Не мало былъ обязанъ онъ своимъ спасеніемъ и присутствію духа капитана и матросовъ. Каждый изъ нихъ стоялъ на своемъ посту и молча, съ усердіемъ исполнялъ свой долгъ. Въ такія минуты матросы не ждутъ распоряженій капитана.

— Теперь мы оправдали имя нашего корабля,—произнесъ капитанъ съ легкой улыбкой.

Небо опять просіяло. Показалась чудная радуга, и вдругъ Нахимовъ увидѣлъ два солнца вмѣсто одного.

— Это здѣсь явленіе обычное, — сказалъ Тютрюмовъ, — и объясняется опять-таки тѣми же особенностями сѣвера. Вслѣдствіе быстрого испаренія водяные пары не успѣваютъ смѣшаться. Въ воздухѣ образуются слои пара различной плотности, черезъ которые лучи преломляются такъ своеобразно. Смотрите направо, вы тамъ увидите еще болѣе замѣчательное явленіе.

Ледяныя горы, которыя были по близости отъ корабля, казались необыкновенно короткими, а тѣ, кото-

ря были дальше, необыкновенно длинными. При этомъ тѣ и другія были обращены вершинами внизъ.

— Часто случается,—продолжалъ Тютрюмовъ,—что ложное отраженіе показывается за нѣсколько верстъ отъ своего предмета и не разъ мы принимали отраженіе нашего же корабля за истинный корабль, идущій намъ на встрѣчу.

Усталый, послѣ нравственныхъ и физическихъ потрясеній, Нахимовъ пошелъ спать въ каюту.

Когда онъ опять вышелъ на палубу судна, капитанъ снова встрѣтилъ его непріятнымъ извѣстіемъ.

— На этотъ разъ мы уже окончательно затерты льдами,—сказалъ онъ.

Кинувъ взглядъ на воду, Нахимовъ увидѣлъ, что *Смѣлый* окруженъ со всѣхъ сторонъ невысокими льдинами, доходившими до борта корабля.

— Вотъ послѣдствіе вчерашней бури. Разломавъ ледяныя горы, она превратила все море въ ледяную поляну. Теперь вопросъ, какъ намъ выбраться.

Первой мыслью Тютрюмова было взломать ледъ, подложивъ подъ него динамитную мину.

Матросы спустились на ледъ, пробуровили въ немъ нѣсколько глубокихъ отверстій на значительномъ разстояніи одно отъ другого и положили туда длинные фитили, а сами поспѣшно вернулись обратно на судно въ трюмъ. Туда спустились также Нахимовъ и капитанъ.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался оглушительный трескъ и на палубу полетѣло множество осколковъ льда.

Черезъ четверть часа Тютрюмовъ вышелъ на мѣсто, гдѣ были подведены мины, и увидалъ, что въ льдинѣ была только небольшая расщелина.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—не удачно. Намъ остается

или ѣхать дальше на саняхъ, или же ждать, чтобы теченіе унесло корабль на Новую Землю.

Пока онъ остановился на этомъ послѣднемъ рѣшеніи.

Возвращаясь на судно, онъ замѣтилъ на краяхъ льдины движущіяся черныя точки.

— Лысуны!—крикнулъ одинъ изъ матросовъ.

— Нѣтъ худа безъ добра,—сказалъ Тютрюмовъ.—Насъ затерло льдами, но зато мы будемъ охотиться на лысуновъ.

И онъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для охоты.

— Поздравляю васъ съ новостью,—обратился капитанъ къ Нахиму, который оставался на кораблѣ.—Динамитъ не открылъ намъ дороги, но привлекъ къ намъ любопытныхъ ко всякимъ шумамъ тюленей.

Нахимовъ зналъ эту особенность тюленей, или лысуновъ, какъ ихъ называютъ поморы за ихъ лысую темно-желтую кожу.

Лысуны обыкновенно живутъ въ Ледовитомъ океанѣ, но осенью они являются цѣлыми стадами на Мурманскій берегъ и въ Бѣлое море, чтобы производить на свѣтъ дѣтенышей. Новорожденныхъ тюленей называютъ *бѣлками*, такъ какъ они покрыты бѣлой шерстью, которая имъ мѣшаетъ плавать. Когда черезъ мѣсяцъ шерсть выпадаетъ, маленькое животное называется *спр-кой*, за его сѣрый цвѣтъ. Сѣрки уже умѣютъ плавать и сами ищутъ себѣ пищу, тогда какъ бѣлковъ кормятъ большія самки (тюлень, какъ извѣстно, млекопитающее). Самки очень любятъ своихъ дѣтенышей, которые плаваютъ обыкновенно посрединѣ стада. Однако, самка еще больше любитъ свое стадо, такъ что нерѣдко она бросаетъ дѣтенышей, лишь бы только не отстать отъ стада.

Охота на лысуновъ.

(Изъ „Живописной Россіи“)

Какъ показалъ примѣръ съ динамитомъ, лысуны падки на всякій шумъ, но они бѣгутъ стремглавъ, какъ только увидятъ человѣка.

Приготовленія для охоты были сдѣланы.

Весь экипажъ одѣлся въ бѣлые холщевыя рубахи и въ такіе же бѣлые колпаки, чтобы лысуны не могли ихъ отличить отъ снѣга, и, запасшись винтовками и толстыми деревянными палками, направились на стадо такъ, чтобы его окружить. Ничего не подозрѣвавшіе тюлени лежали на краяхъ льдины. Одни изъ нихъ безпокойно поглядывали въ ту сторону, откуда донесся раньше шумъ, другіе, очевидно, успѣли уже позабыть о шумѣ и, повернувшись брюхомъ къ солнцу, спокойно отдыхали. Но въ эту же самую минуту на нихъ налетѣли охотники, и встревоженные животныя начали кидаться во все стороны, покачивая своими тяжелыми головами.

Успѣли спастись только тѣ, которые черезъ отверстія на льдинахъ спустились сразу въ воду. Все остальные были убиты пулями и палками охотниковъ.

Два дня экипажъ занимался сниманіемъ жира съ кожи лысуновъ. Да имъ и нечего было спѣшить. Ледъ продолжалъ окружать корабль сплошной массой. Капитанъ ожидалъ переменъ погоды, но вмѣсто этого произошло событіе, имѣвшее роковыя послѣдствія для всего экипажа.

Было два часа ночи, когда страшный трескъ отъ напора ледяныхъ горъ разбудилъ Нахимова. Онъ быстро всталъ, но раньше чѣмъ успѣлъ выйти, трескъ повторился еще съ большей силой. Въ то же мгновеніе Нахимовъ почувствовалъ, какъ судно пошатнулось. Очевидно, съ кораблемъ происходило что-то необыкновенное. Выбѣжавъ на палубу, онъ увидѣлъ, что корабль стиснуть

ледяными горами и гибель его неминуема. Задняя часть его, гдѣ находилась каюта, поднималась кверху, тогда какъ носъ медленно погружался въ зіяющую передъ нимъ водную бездну. Въ то-же мгновеніе Нахимовъ отбросило къ носу корабля. По дорогѣ онъ зацѣпился за какой-то канатъ и съ отчаяніемъ погибающаго человѣка попробовалъ добраться до борта корабля. Это ему не удалось. Черезъ него прокатилась бочка съ толеньимъ жиромъ, онъ невольно выпустилъ канатъ, закрылъ глаза и отдалъ себя на произволъ судьбы. Вокругъ него былъ невообразимый шумъ, что-то трещало, грохотало, свистѣло, шипѣло... Черезъ нѣсколько минутъ онъ почувствовалъ, какъ его ноги погружаются въ воду, и въ ту-же самую минуту кто-то схватилъ его за плечо. Нахимовъ потерялъ сознаніе. Онъ очнулся на снѣжной равнинѣ, въ саняхъ, запряженныхъ собаками. Рядомъ сидѣлъ капитанъ Тютрюмовъ.

— Васъ мы, батюшка, спасли, но трое изъ насъ погибли. — При этихъ словахъ лицо храбраго капитана омрачилось.

Онъ разсказалъ, что появленіе новыхъ льдинъ съ юго-востока произошло съ такой быстротой, что онъ не успѣлъ даже войти въ каюту Нахимова. Выскочивъ на льдину, онъ принялся за спасеніе своего экипажа. Въ это-же время замѣтилъ онъ и Нахимова и схватилъ его за плечо въ ту минуту, когда тотъ погружился въ воду. Лыдина, которой былъ затертъ корабль, раскололась на двѣ половины: одна направилась быстро къ югу, а на другой остались капитанъ, Нахимовъ и четыре матроса съ тремя собаками.

Кое-какъ они собрали тѣ вещи, которыя повалились на эту льдину съ палубы корабля. Капитанъ предпола-

галь, что товарищи или утонули, или же упали на другую половину льдины. Но онъ склонялся скорѣе къ первому предположенію.

XI.

Новая Земля.

— Новая Земля! Новая Земля!—воскликнулъ съ радостью одинъ изъ матросовъ, когда вдали, на востокъ, показались высокія, скалистыя горы со снѣжными вершинами.

— Новая Земля! Новая Земля!—повторяли вслѣдъ за нимъ не только Нахимовъ и матросы, но и суровый капитанъ Тютрюмовъ.

Всѣ почувствовали такую радость, какую испытывать можетъ быть Колумбъ, когда кормчій его корабля воскликнулъ: „земля! земля!“ при видѣ Америки.

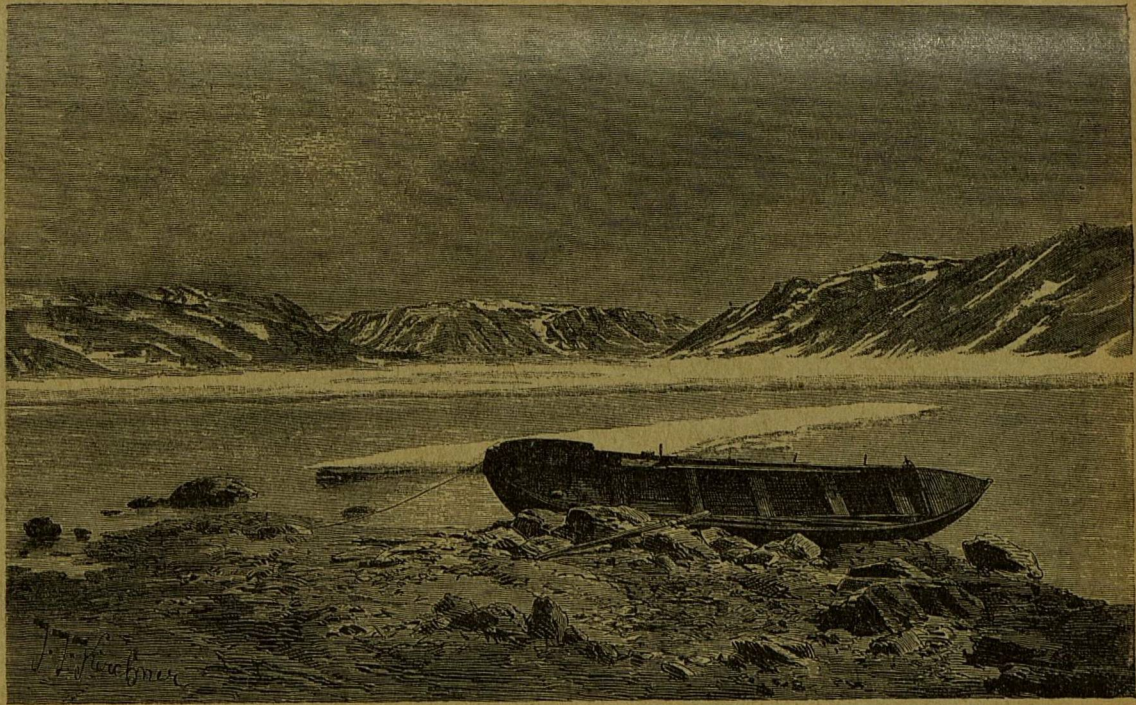
И было чему радоваться! Съ того мѣста, гдѣ погибъ *Смѣлый*, до Новой Земли, наши путешественники сдѣлали нѣсколько сотъ верстъ по льдинамъ, безъ дороги, питаясь тюленьимъ мясомъ и сырой рыбой. Сколько лишеній и сколько страха пришлось имъ перенести въ эти двѣ недѣли! Голодъ, холодъ, снѣгъ, вьюги, во время которыхъ они укрывались подъ лодками, обращенными вверхъ дномъ, ледяныя горы, съ неизбѣжными рассѣлинами, неожиданно появлявшіяся передъ ними — вотъ съ чѣмъ приходилось бороться Нахимову и его товарищамъ по несчастью.

Наконецъ показалась Новая Земля, и они вздохнули свободно, надѣясь найти тамъ столь желанный и такъ долго ожидаемый пріютъ.

Въ порывѣ радости они и не подумали, что Новая Земля можетъ принести имъ новыя испытанія, новыя страданія. Но раньше, чѣмъ излагать дальнѣйшую судьбу нашихъ путешественниковъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о Новой Землѣ.

Новая Земля представляетъ изъ себя большой продолговатый островъ, растянувшійся по направленію отъ сѣвера къ югу въ Ледовитомъ океанѣ. Онъ имѣетъ въ длину около тысячи верстъ, а въ поперечникѣ около ста. По срединѣ острова протекаетъ проливъ Маточкинъ шаръ, который дѣлитъ Новую Землю на двѣ половины: сѣверную и южную. Восточные берега острова омываются водами Карскаго моря. Послѣднее почти постоянно загромождено льдинами, приносимыми сюда западнымъ теченіемъ съ береговъ Сибири. Поэтому на восточныхъ берегахъ Новой Земли почти отсутствуетъ всякая жизнь. Наоборотъ ея западные берега, мимо которыхъ протекаетъ Гольфштремъ, отличаются сравнительно мягкимъ климатомъ, благодаря чему тутъ могутъ жить и животныя, и растенія. Здѣсь кочуютъ самоѣды, сюда-же являются поморы Архангельской губерніи для ловли морскихъ животныхъ.

На этомъ-же западномъ берегу, въ его сѣверной части, находится полуостровъ Адмиралтейства, куда причалили наши путешественники. Они намѣревались отправиться отсюда на югъ къ Большимъ и Малымъ Кармакуламъ, гдѣ находятся жилища самоѣдовъ. Но чтобы добраться до этого мѣста, нужно было пройти по крайней мѣрѣ верстъ пятьсотъ — дорога, для которой у нихъ не хватило-бы достаточно силъ. Поэтому они и рѣшили отдохнуть двѣ или три недѣли на полуостровѣ и лишь потомъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Кромѣ того Нахимовъ хотѣлъ остаться для

Маточкинъ Шаръ на Новой Землѣ.

(„Изъ Живописной Россіи“).

болѣе подробнаго ознакомленія съ мѣстностью, что составляло вѣдь главную цѣль его путешествія.

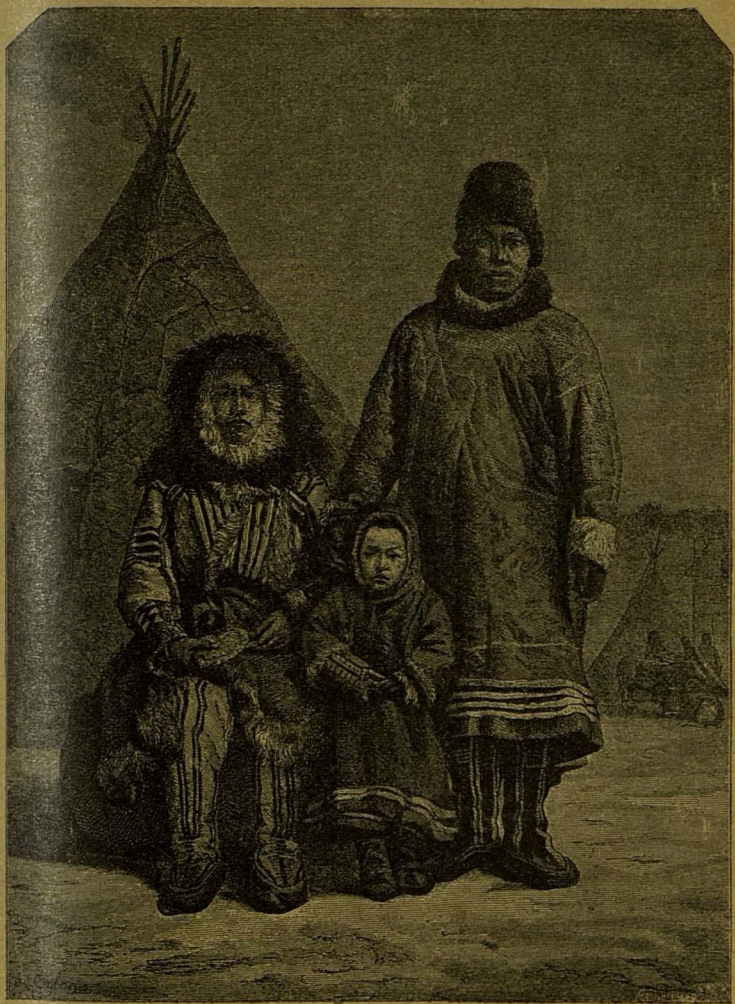
Первымъ дѣломъ матросы устроили изъ лодокъ и сохранившагося паруса небольшую хижину, куда всѣ могли укрыться отъ холода. Затѣмъ они развели костеръ изъ плавниковъ, какъ называются сосновые деревья, которыя Гольфштремъ приносить изъ Норвегіи къ берегамъ Новой Земли. Пищей первое время имъ служила треска, которую они удили въ ближайшей бухтѣ, но когда рыба надоѣла, Нахимовъ и капитанъ Тютрюмовъ отправились на охоту за съвернымъ оленемъ или медвѣдемъ съ двумя винтовками—единственнымъ оружіемъ, уцѣлѣвшимъ послѣ крушенія *Смѣлаго*.

Оленя убить имъ не удалось, но за то они напали на бѣлаго медвѣдя.

Идя вдоль берега, оба охотника почувствовали вдругъ острый, отвратительный запахъ, заставившій Нахимова заткнуть носъ.

— Запахъ моржей, они должны быть за льдиной,—тихо сказалъ Тютрюмовъ и приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія.

— Тише, чтобы ихъ не разбудить.—Съ большой осторожностью они пошли по склону льдины. Взобравшись наверхъ, они увидѣли спящихъ моржей на льду. Одинъ только изъ нихъ—стражъ стада, бодрствовалъ, оберегая покой спящихъ. Въ моментъ, когда на него смотрѣли капитанъ съ Нахимовымъ, онъ очевидно почувялъ приближеніе опасности, такъ какъ сталъ безпокойно оглядываться во всѣ стороны. Дѣйствительно, въ ту же самую минуту на вершинѣ противоположной льдины показался огромный бѣлый медвѣдь, привлеченный сюда тѣмъ-же моржевымъ запахомъ. Какъ только

Семья самоѣдовъ возлѣ своего жилища (*чумъ*).

(Изъ „Живописной Россіи“).

медвѣдь замѣтилъ устремленные на него глаза моржа, онъ легъ на ледъ и притворился мертвымъ. Но моржъ не поддавался обману, онъ огласилъ всю окрестность страшнымъ ревомъ, и проснувшееся стадо моржей стремительно бросилось въ сосѣдную разсѣлину. Медвѣдь всталъ и однимъ прыжкомъ очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ находились моржи, всего на нѣсколько сажень отъ охотниковъ.

— Теперь бы его подстрѣлить,—сказалъ Нахимовъ.

— Нѣтъ, подождите, посмотримъ, что онъ будетъ дѣлать.

Медвѣдь присѣлъ на заднихъ лапахъ на самомъ краю льдины, а передними образовалъ кольцо, держа его надъ самой водой. Въ такомъ положеніи онъ поджидалъ появленія какого-нибудь моржа, который обыкновенно не можетъ долго оставаться подъ водой. Очевидно, что если бы животное полѣзло на льдину, то сію же минуту попало бы въ сдѣланную лапами медвѣдя западню. И дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, какъ послышался изъ отверстія шумъ, а затѣмъ высунулась большая усатая голова моржа. Но моржъ показался немного лѣвѣе отъ того мѣста, гдѣ сторожилъ его врагъ. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ медвѣдь повернулся въ ту сторону и какъ стрѣла бросился на свою жертву. Но его когти оказались слабѣе клыковъ морского животного. Раздосадованный хищникъ попятился назадъ и, поднимая морду кверху, обнюхивалъ воздухъ. Въ эту же самую минуту раздались два выстрѣла, и звѣрь повалился на землю. Медвѣдь не былъ еще убитъ, онъ сейчасъ же вскочилъ и такъ какъ обѣ переднія лапы его были ранены, то побѣжалъ на заднихъ. Раздались новые выстрѣлы, изъ которыхъ одинъ попалъ медвѣдю прямо въ лобъ и

убилъ его наповаль. На звукъ выстрѣловъ пришли матросы, и общими усиліями медвѣдь былъ перенесенъ къ палаткѣ. Нахимовъ невольно вспомнилъ разсказъ Андрея о торжественныхъ гимнахъ, которые поютъ лопари надъ убитымъ звѣремъ. Теперь онъ самъ готовъ былъ благодарить небо за посланное имъ свѣжее мясо медвѣдя, которое внесло немного разнообразія въ ихъ скудную пищу.

Часть своего времени Нахимовъ употреблялъ на ботаническія экскурсіи. Онъ нашелъ, что изъ 3300 видовъ различныхъ растений, которыя встрѣчаются на земномъ шарѣ—на этомъ островѣ росли только 280 и изъ нихъ большая часть были различные виды мховъ и лишайевъ.

Другая интересная экскурсія—было посѣщеніе знаменитаго, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по своей красотѣ, ледника, находящагося возлѣ Медвѣжьяго залива на восточномъ берегу Новой Земли, по прямой линіи отъ полуострова Адмиралтейства.

Ледникъ Медвѣжьяго залива занимаетъ площадь въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. На первомъ планѣ поднимаются высокія, отвѣсныя, какъ стѣны, ледяныя скалы, на полупрозрачной поверхности которыхъ солнечные лучи играютъ всѣми цвѣтами радуги. Здѣсь ледникъ кажется свѣтло-голубого цвѣта, тамъ ярко-зеленаго, а его вершины какъ бы горятъ въ красномъ пламени, напоминая снѣжныя альпійскія горы при закатѣ солнца. У подножія ледника простирается настоящее ледяное море, какъ бы окаменѣвшее въ тотъ моментъ, когда оно разбушевалось.

Въ одномъ мѣстѣ ледника подѣ дѣйствіемъ водъ образовался туннель, куда и вошли Нахимовъ съ капи-

таномъ. Имъ казалось, что они попали въ какой-то волшебный хрустальный замокъ съ нескончаемымъ лабиринтомъ. Однако, охватывавшій ихъ морозъ и холодныя капли, падавшія на нихъ съ потолка и стѣнъ, заставили обоихъ путешественниковъ скорѣе выйти изъ подъ сводовъ этого лабиринта.

Возвращаясь въ свою хижину, они все останавливались, чтобы еще и еще разъ посмотрѣть на чудный видъ ледника, блестящая поверхность котораго напоминала издали исполинскія зеркала, поставленныя здѣсь невидимой рукой.

Было 28-ое августа, когда маленькая компанія собралась въ дорогу къ Маточкиному шару. Однако, пройдя шестидесять верстъ по направленію къ югу, путешественники должны были опять остановиться. Путь имъ преграждали большія скалистыя горы съ заполненными льдомъ и снѣгомъ ущельями, въ которыхъ нельзя было найти даже слѣда дороги. Что оставалось имъ дѣлать? Капитанъ предложилъ опять приблизиться къ берегу и стараться добраться на югъ моремъ. Однако, какъ только они дошли до берега, неосуществимость ихъ плана стала очевидной: на всемъ протяженіи тянулись высокія льдины.

— Здѣсь могутъ пробираться лишь медвѣди да олени,—замѣтилъ съ грустью капитанъ.

Оставалась еще одна надежда. Хотя въ августѣ уже кончилось короткое полярное лѣто, но можно было еще рассчитывать, что ледъ вскрыется и освободить дорогу путешественникамъ. А пока они должны были готовиться къ самой худшей случайности—перезимовать на Новой Землѣ.

Тогда наши путешественники приступили къ постройкѣ новой хижины при помощи лодки и большихъ

бревенъ, выброшенныхъ на берегъ Гольфштремомъ. Нахимовъ и капитанъ снова принялись за охоту на бѣлыхъ медвѣдей. Кромѣ мяса они употребляли въ дѣло и шкуры ихъ, которыми обшили хижину, снаружи и внутри и изъ которыхъ изготовили себѣ зимнія платья—малицы. Имъ удалось еще убить нѣскольکو лисуновъ и моржей, мясо которыхъ шло на кормленіе собакъ, а жиръ на освѣщеніе хижины въ продолженіе сплошной зимней ночи. Матросы усердно собирали ягоду морошкѣ, сохранившуюся подъ снѣгомъ, и клали ее въ кое-какъ изготовленные изъ дерева ящики. Но самымъ главнымъ недостаткомъ, который началъ ощущаться еще на полуостровѣ Адмиралтейства, было отсутствіе прѣсной воды. Ее замѣняли снѣгомъ, растапливаемымъ возлѣ огня въ выдолбленныхъ чашкахъ. Время быстро шло среди кипучей дѣятельности, хотя чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что нѣтъ никакой надежды на вскрытіе льда, и что путешественникамъ придется перезимовать здѣсь.

А между тѣмъ солнце начало уже меркнуть. Въ первыхъ числахъ сентября ночь замѣтно стала удлиняться и все больше и больше окутывала холодную пустыню какъ чернымъ саваномъ.

13 октября капитанъ пригласилъ Нахимова взглянуть въ послѣдній разъ на солнечный закатъ. Солнце, напоминающее своимъ видомъ шаръ изъ расплавленного металла, продержавшись около часу на горизонтѣ, погрузилось въ океанъ, чтобы надолго не показываться надъ землею.

— Прощай свѣтъ и жизнь!—грустно произнесъ Нахимовъ.

Но солнце еще не совсѣмъ исчезло съ сѣвера. Оно продолжало свѣтить за ледяными горами полюса, откуда

свѣтъ его доходилъ до Новой Земли въ видѣ прозрачныхъ сумерекъ. Сквозь нихъ можно было еще различать очертанія снѣжныхъ горъ, острова и исполинскаго ледника возлѣ Медвѣжьей бухты и его бѣлый отблескъ на небѣ.

Къ срединѣ ноября исчезли и прозрачныя сумерки, и островъ погрузился въ глубокую, долгую зимнюю ночь.

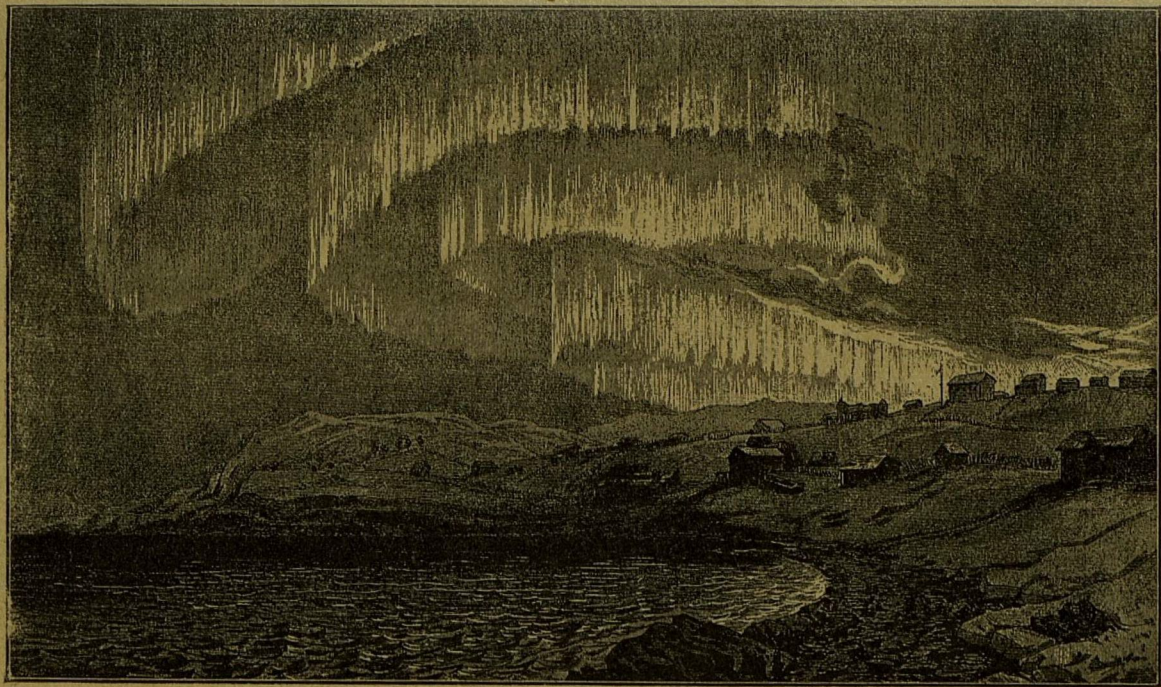
— Видите-ли тамъ маленькое зарево на небосклонѣ?— спросилъ Тютрюмовъ, показывая на востокъ, на маленькое облачко съ свѣтло-краснымъ краемъ.

— Будетъ сѣверное сіяніе.

Нахимовъ насторожился. Онъ много читалъ и слышалъ о сѣверномъ сіяніи, но теперь въ первый разъ ему предстоялъ случай видѣть это великолѣпное зрѣлище сѣвера.

Отъ красно-свѣтлаго облачка, на который указывалъ Тютрюмовъ, отлетѣла, подобно змѣю, пускаемому дѣтми, огненная лента зеленого цвѣта. Разростаясь, она быстро поднималась все выше и выше. Когда лента дошла до извѣстной вышины, она, какъ бы подъ дѣйствіемъ скрытаго вѣтра, стала развѣваться и изгибаться, принимая видъ спирали со множествомъ складочекъ. вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ на небѣ становился ярче. Потомъ на всемъ протяженіи ленты, дрожа, начали переливаться съ невообразимой быстротой свѣтотѣнныя волны всѣхъ цвѣтовъ радуги. Волны эти пробѣгали однѣ по изгибамъ ленты, другія по прямой линіи сверху внизъ. Это была бѣшеная, фантастическая игра свѣтовыхъ лучей, не поддающаяся никакому сравненію.

Но вотъ какъ будто невидимая рука сильно замахалась лентой, и когда все упокоилось, вмѣсто одной ленты оказались двѣ—одна надъ другой. Первая осталась въ

Сѣверное сіяніе.

томъ-же мѣстѣ, а вторая полетѣла еще выше и дошла до середины неба. Здѣсь она остановилась и съ ней произошла волшебная переменѣ: вмѣсто ленты появился исполинскій куполъ, съ боковъ котораго спускались громадныя столбы свѣта, точно также переливающіеся всѣми цвѣтами радуги.

Нахимовъ слѣдилъ въ какомъ-то опьяненіи за этимъ волшебнымъ, невиданнымъ зрѣлищемъ. Еще мгновеніе, и вдругъ все исчезло съ невообразимой быстротой. И наши путешественники опять очутились въ глубокомъ, непроглядномъ мракѣ.

Въ декабрѣ на Новой Землѣ начались страшныя морозы. Должно быть температура была больше сорока градусовъ ниже нуля. Все закоченѣло, мясо приходилось рубить топоромъ; огонь никакъ не разводился, такъ что бѣдные путешественники должны были спать въ хижинѣ, стѣны которой покрывались ледянымъ слоемъ отъ дыханія людей. Медвѣжьи шкуры, служившія имъ одѣялами, сдѣлались твердыми какъ кора. Обитателей хижины началъ мучить холодъ и томить жажда, которую ничѣмъ нельзя было утолить. Когда, однажды, Нахимовъ, несмотря на увѣщеванія капитана, началъ сосать снѣгъ, онъ почувствовалъ обжогъ, какъ отъ раскаленнаго желѣза. Вскорѣ у нихъ началъ истощаться запасъ пищи и они стали ѣсть тюленьи плавники, которые приносили собаки. Потомъ они убили двухъ собакъ, оставивши третью на всякій случай, и въ концѣ-концовъ дошли до самой ужасной крайности—стали грызть медвѣжьи шкуры.

Отсутствіе свѣта, воды и пищи вызвало у всѣхъ упадокъ силъ, чему способствовало еще и чувство ужаснаго одиночества. Этотъ страшный гнетъ суровой сѣверной природы сильно отразился на здоровьѣ Нахи-

мова. Поморы, болѣе или менѣе привыкшіе къ подобнымъ испытаніямъ, легче переносили лишенія, да къ тому же это были люди съ здоровымъ, нерасшатаннымъ организмомъ, чего нельзя было сказать о Нахимовѣ.

Еще съ первыхъ недѣль своего пребыванія на Новой Землѣ онъ почувствовалъ изнеможеніе. У него были частые позывы къ рвотѣ и невыносимыя головныя боли. Къ этому прибавились боли въ суставахъ и отеки въ различныхъ частяхъ тѣла. Скоро у него начали пухнуть десны, образовались во рту язвы и слюна его приняла черный цвѣтъ, похожій на смолу.

— „Вотъ и ужасная цынга“,—подумалъ Нахимовъ и еще больше упалъ духомъ.

Въ концѣ декабря онъ уже лежалъ безвыходно въ хижинѣ. Мрачныя мысли, мучившія его на тундрѣ Печѣ, овладѣли имъ и здѣсь. Новая Земля казалась ему огромной гробницей, гдѣ не хватало только его могилы. „Тамъ, немного сѣвернѣе насъ“, думалъ онъ: „возлѣ Строгановой бухты, погибло цѣлое семейство Строгановыхъ; южнѣе, при входѣ въ Маточкинъ шаръ, находится могила Кротова, еще южнѣе, возлѣ ледяного мыса, могила Баренца“. Эти мысли поглощали все существо Нахимова; онъ уже мысленно видѣлъ деревянный крестъ на своей могилѣ. „А можетъ быть, не будетъ никакого креста, можетъ быть, никто не будетъ знать, гдѣ моя могила“!

— Я вамъ, батюшка, принесъ теплой оленьей крови,—сказалъ однажды весь сіяющій капитанъ.—Это хорошее средство противъ цынги,—добавилъ онъ.

Нахимовъ набросился съ жадностью на дымящуюся еще кровь, но скоро его вырвало и онъ почувствовалъ себя еще хуже, еще слабѣе, чѣмъ прежде.

25 го Января показалось въ первый разъ солнце.

Матросы привѣтствовали появленіе дневного свѣтила криками радости, но отвыкшіе отъ свѣта, они не могли смотрѣть на него, какъ не могли смотрѣть на бѣлый снѣгъ. Появленіе солнца привело въ восторгъ и единственную уцѣлѣвшую собаку. Она бѣгала какъ сумасшедшая, лаяла, визжала и весело махала хвостомъ.

Видѣлъ бѣлый свѣтъ и Нахимовъ, но онъ находился въ такомъ состояніи, когда у человѣка нѣтъ желаній, когда его уже ничто не радуешь. Онъ лежалъ почти въ безпамятствѣ.

Черезъ нѣсколько дней передъ хижиной внезапно раздался лай собакъ. Каково было удивленіе и радость путешественниковъ, когда они увидѣли входящими въ хижину своихъ товарищей по плаванью, которыхъ они считали погибшими. Оказалось, что они попали на другую льдину; холодное теченіе отнесло ихъ къ мысу на южной оконечности Новой Земли, откуда имъ не трудно было добраться до Кармакуль. Здѣсь они наняли сани, чтобы поѣхать искать своихъ товарищей, но не могли двинуться въ путь ранѣ января.

Черезъ двѣ недѣли вся компанія вмѣстѣ съ Нахимовымъ была уже въ Кармакулахъ. Нахимовъ провелъ здѣсь мѣсяцъ, въ продолженіе котораго поправилъ свое здоровье и съ первымъ же судномъ, явившимся на Новую Землю, онъ возвратился обратно въ Россію.

Х. Г. Инсаровъ.

